

A watercolor illustration of a woman with long, wavy brown hair, seen from the side. She is sitting on a tall, dark stool. She wears a green short-sleeved top and a long, flowing orange skirt. She is holding a small green cup in her right hand. She is wearing high-heeled shoes. The background is a solid orange color.

«ДЛЯ ВСЕХ
ПОКЛОННИКОВ
«ЭЛЕАНОР
ОЛИФАНТ
В ПОЛНОМ
ПОРЯДКЕ»
ГЕЙЛ
ХАНИМЕН».
THE GUARDIAN

МУДРОСТЬ РУТ ХОГАН САЛЛИ

Рут Хоган
Дарья С. Сорокина
Мудрость Салли
Серия «Вкус к жизни»

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=43474322

Мудрость Салли: Издательство АСТ; М.; 2019

ISBN 978-5-17-112761-9

Аннотация

Жизнь когда-то энергичной, независимой женщины с бунтарской жилкой изменилась в одночасье после трагических событий 12-летней давности. В попытках заглушить свое горе она каждое утро вне зависимости от сезона и погоды плавает в открытом бассейне и в компании волкодава навещает могилы на старинном викторианском кладбище. Она почти не осознает, что ее жизнь практически остановилась...

Но однажды Маша (как назвала ее подруга в честь одной из героинь «Чайки» Чехова) встречает таинственную эксцентричную пожилую даму Салли, которая водит дружбу с воронами и поет с ветром. Салли открывает Маше мир новых возможностей: интересные знакомства, перспективы и даже намек на новые отношения. Впервые за многие годы у нее появился шанс начать жизнь заново.

Но как только Маша осмеливается представить себе будущее, ее прошлое незамедлительно напоминает о себе.

Содержание

1	8
2	10
3	12
4	22
5	27
6	31
7	38
8	46
9	50
10	58
11	63
12	83
13	90
Конец ознакомительного фрагмента.	94

Рут Хоган

Мудрость Салли

Copyright © 2018 by Ruth Hogan

© Сорокина Д.С., перевод, 2019

© ООО «Издательство АСТ», 2019

* * *

*Дюку Роаринг Вотер Бэй
Ты мое благословение*

*...один ушел совсем, совсем навсегда, мы
останемся одни, чтобы начать нашу жизнь снова.
Надо жить... Надо жить...
Антон Чехов «Три сестры»*

*Этикет можно определить как искусство
общественной жизни. По многим весомым причинам
здесь установились определенные традиции, как в
любых других искусствах, науках или жизненных
сферах, и только очень легкомысленные люди могут
не обращать внимания на свод правил, которым мы
руководствуемся в социальных отношениях.
Леди Трубридж «Книга Этикета»*

Пожилая дама полной грудью вдыхает прохладный осенний воздух, раскидывает руки и берет безупречное верхнее

до. Чистая, точная нота взлетает над могильными камнями, разбросанными перед ней по склону холма. Лишь вороны, сидящие высоко в ветвях окрестных сосен, да белка, что извлекает желуди из тайника у покосившегося каменного креста, слышат поразительной силы голос с прекрасным тембром.

Дама прячет руки в карманы поношенного твидового пальто, с улыбкой вспоминая красное шелковое платье, которое носила в прошлой жизни, много лет назад. Почти того же оттенка, что ее потертые туфли. Под трещинами морщин и складок на обветренном лице сохранились следы редкой красоты, а в глазах сверкает любопытство – она всматривается в пейзаж впереди. Потом начинает медленно спускаться, петляя среди могил по заиндевевшей траве. Белка стрелой взмывает вверх, испуганно дергая хвостом, но далеко от кладовой не уходит.

Когда дама добирается до тропы под холмом, она находит одинокую потрепанную розу с пунцовыми лепестками, обрамленными инеем, – цветок лежит прямо под ногами. Поднимает и внимательно рассматривает, изумляясь хрупкой красоте, а потом осторожно кладет на ближайшее надгробие. Жизнь полна маленьких радостей, если знаешь, где искать, а блестящие глаза женщины ищут всегда, и находят – даже в самые темные времена и в самых темных местах.

Черный силуэт падает с неба, опускается перед ней, поправляет перышки и громко каркает. Появляется еще одна

ворона, потом еще и еще. Их становится все больше, они следуют за ней в парк через ржавые кованые ворота – некоторые прыгают по земле, некоторые парят над головой. В парке почти никого нет, только несколько собачников да группка школьников, идущих домой короткой дорогой. Дама достает из кармана пальто бумажный пакет и рассыпает вокруг содержимое.

Пока вороны хватают и поедают свой насущный хлеб, дама с восхищением смотрит в небо: темные облака подсвечены медными отблесками заката.

Маленькие радости.

1

Маша

Несколько лет назад...

Сегодня температура воды в бассейне 6,3 градуса – немного теплее, чем в море, но ведь и я еще не совсем мертва.

Туман низко висит над голубой плоскостью воды, словно сухой лед над сияющим танцполом дискотеки, но в глубине, под блестящей поверхностью, меня ждет последний танец, танец смерти. *Данс макабр*. Пронзительный холод притупляет сильную боль, как ледяная примочка, и меня начинает клонить в сон. Тело инстинктивно пытается бороться за жизнь, и я чувствую, как горят легкие, отчаянно требуя воздуха.

Но мой разум, как у Майора Тома из песни Дэвида Боуи, совершенно спокоен.

Говорят, за секунду до смерти перед глазами пролетает вся жизнь, но в моем случае это лишь один фрагмент. Мгновение, когда я проснулась, а он исчез. Те последние секунды,

когда мои тело и душу еще объединяла хрупкая алхимия под названием «быть живой». Но дух мой утомлен невыносимой скорбью, и душа жаждет проститься с плотью и кровью, которые называла домом.

Такое облегчение – просто отпустить.

2

Элис

Несколько лет назад...

Насыщенный сладкий аромат ириса и фруктов наполнил кухню, когда Элис открыла духовку и осторожно достала горячую форму. Ананасовый пирог-перевертыш. Любимый пирог Мэтти. Элис глянула на часы. Он скоро вернется домой, как обычно, страшно голодный после тренировки в бассейне. Сегодня у Мэтти было квалификационное тестирование, оно включает множество испытаний, в том числе – базовые спасательные навыки. Элис не сомневалась: он справится без труда. С раннего детства он совсем не боялся воды и научился плавать еще до школы.

Элис бросила в раковину несколько картофелин, чтобы почистить к ужину, для пастушьего пирога – еще одного фаворита Мэтти. Сегодня ей хотелось его побаловать, не только за тестирование, но и просто из безмерной любви: она всегда переживала, что недостаточно часто ему об этом говорит. Возвращение Мэтти из школы было кульминацией ее

дня. Закончив с картошкой, Элис поставила ее вариться и перевернула пирог из формы на тарелку. Снова посмотрела на часы. Остались считанные минуты. Элис стерла ладонью пар с кухонного окна, чтобы увидеть, как он идет по дороге, и вскоре там появилась растрепанная фигурка: пиджак растянут, несмотря на холод, галстук съехал, шнурок развязался. На одном плече рюкзак, на другом – спортивная сумка, и широкая улыбка на лице. Он ворвался в дом, хлопнув дверью, бросил рюкзак на стул, а спортивную сумку – на пол и ринулся напрямик к пирогу.

– Не так быстро, молодой человек! – воскликнула Элис, улыбаясь его нетерпению. – Как успехи?

– Прошел! – заявил ее сын и победоносно поднял кулак, не сводя глаз с пирога.

– Я не сомневалась, – сказала Элис, потрепав его по влажным волосам. – А теперь иди переодейся, отнеси мокрые вещи в ванную, и *потом* можешь приниматься за пирог.

– Мааам, – добродушно запротестовал Мэтти, но поднял спортивную сумку и понесся вверх по ступенькам. Элис едва успела отрезать кусок пирога, а он уже переоделся и вернулся на кухню.

3

Маша

Настоящее время

Сегодня температура воды в бассейне – 10,4 градуса, и холодный ветер скользит по поверхности воды. Открытый бассейн «Чарльстон Лидо» появился в 1931 году – украшение города и прекрасное место отдыха. Но к середине 1980-х плеск воды и детский смех превратились в призрачное эхо. Прошло еще двадцать лет, плитка в пустом бассейне потрескалась, облетела и проросла сорняками. Стены раздевалок покрыла мягкая плесень, а флажки, висевшие вдоль дорожек, беспомощно бились о дно, как умирающие рыбы. Возрождение бассейна стало маленьким чудом, его совершила упорная группа обычных увлеченных людей, живущих по соседству: некоторые из них научились здесь плавать, когда были детьми. И лично я им очень благодарна. Бассейн, где я училась барахтаться по-собачьи, ухватившись за грязный прямоугольник полистирола, одетая в нейлоновый купальник с отвисшей попой, прятался в унылой бетонной короб-

ке, где воздух загустел от теплой вонючей хлорки и можно было подхватить грибок с любой поверхности. Чарльстон на закате – место неземной красоты. Но еще он – моя епитимья.

Каждую неделю я прихожу сюда, чтобы утонуть. Почти.

Я спец по утопающим, и я прилежно училась. В мельчайших подробностях знаю работы Франческо Пиа. Франк – седой лис с двумя учеными степенями и широкой улыбкой. Он проработал спасателем больше двадцати лет и стал всемирно признанным экспертом, легендой в своем деле. Утопающие. Его специальность – утопающие. Я могу дословно пересказать его «инстинктивную реакцию тонущего». Ролик сохранен в закладках у меня на «Ютубе».

Сегодня земля блестит от мороза, а значит, меня ждет обжигающе ледяная вода, но она, как всегда, принимает меня в русалочки объятья, увлекая все глубже и глубже. Сначала я просто окунала голову под воду в ванной. Но этого оказалось недостаточно. Моя ванная – слишком уютное место, чтобы всерьез играть в опасные игры со смертью. В бассейне я доплываю под водой до ступеней в глубокой части и держусь за перила, пока легкие не начинают разрываться от боли, но не тону. Почти. Японские ныряльщики за жемчугом до семи минут задерживают дыхание в поисках подводных сокровищ, но средний человек выдерживает от тридцати до сорока секунд. Мой личный рекорд пока – скромные две минуты. И это было мучительное водное самоистязание.

После заплыва (я вынуждена немного поплавать, иначе

это выглядит странно) я возвращаюсь в свой уютный эдвардианский дом с высокими потолками и не менее высокими счетами за отопление – щедрое наследство от бабушки по материнской линии единственной внучке. Мне навстречу с незаслуженным восторгом выбегает Хайзум, мой волкодав. Длинноногий волосатый пес с глазами ангела и дыханием гоблина. Вообще-то, он – мой смысл жизни. Правда. Он обожает все отвратительное и неуместное, а в его меню успело побывать почти все содержимое компостного бака, птичий помет, целые дольки чеснока, кусок мыла,дохлая лягушка и пара резиновых перчаток. У меня космические счета за ветеринарные услуги.

Перекусив сэндвичами и чипсами с солью и уксусом, я усаживаюсь за стол и делаю вид, что работаю. Мне повезло, у меня есть возможность трудиться из дома, а если нужно встречаться с клиентами, то я принимаю их в специальном месте, а не у себя. Боже упаси! Хайзум угрюмо валится на лежанку, разочарованный, что дальше по расписанию – не прогулка. Я проверяю электронную почту, захожу на любимый словарный сайт, чтобы посмотреть слово дня (паупер – *бедняк, голодранец, нищий*), и неизбежно забредаю на «Ютуб». Как мы вообще теряли время до изобретения интернета? Я стойко держусь около часа, но потом сдаюсь. Обычно посещение Чарльстона ненадолго успокаивает моих внутренних демонов. Но не сегодня.

Услышав, что я сняла с крючка поводок, Хайзум ожив-

ляется: угрожающий вихрь из лап и волос проносится по покрытому плиткой полу кухни. До кладбища идти совсем недолго, через парк. Холодный свежий воздух еще хранит земляные, осенние ноты и опьяняет с каждым вдохом. Если бассейн – моя епитимья, то это место – мое убежище, и сегодня здесь сказочно красиво. Прекрасный образец кладбища-парка викторианской эпохи: люди того времени принимали смерть очень красиво. Деревья стражами возвышаются над рядами внушительных надгробий и изящных скульптур. Больше всего мне нравятся ангелы, их здесь целое воинство. Некоторые, на детских могилах, – маленькие, с неоперившимися крыльями и нежно сложенными в молитве ладонями. Другие стоят молчаливыми стражами, опустив взгляд и охраняя тех, кто лежит у них под ногами, а третьи протягивают руки к небу, расправив крылья, готовые к полету.

Но есть среди них особенный. Я очарована каждой изящной линией, каждым изгибом отполированной мраморной фигуры и выражением безмятежности на лице. Это Кейт Бланшетт от ангелов, она склоняет колени над могилой в самой старой части кладбища, довольно близко к часовне. Но если когда-нибудь она решит расправить крылья, то, несомненно, улетит прямо в рай самым грациозным образом.

Надеюсь, рай существует. Потому что, когда умирает человек, которого ты любил сильнее всех, это единственное место, где вы можете воссоединиться, но если рай – просто фантазия или городская легенда, надежда обрести его вновь

исчезает навсегда.

– Но, если он все же существует, попаду ли туда я?

Я знаю, ангел не даст ответа, но всегда нахожу утешение в ее прекрасном лице. Я не следую никакой конкретной религии. Я не коллективист, скорее одиночка. При одной мысли о незнакомцах, которые будут обнимать меня и рассказывать о любви, своей и Бога, мне хочется убежать за тридевять земель. Откуда им знать? Может, он меня не любит. Я бы сочла благословением, если бы мое периодическое богохульство, патологическую нетерпимость к слабакам и плохим водителям и прогулы уроков богословия в тринадцать лет удалось компенсировать любовью к животным и довольно упорными – хоть и не всегда успешными – попытками быть порядочным человеком. Ведь это, несомненно, гораздо важнее чьих-то деспотичных религиозных правил?

– Как думаешь?

По-моему, этот ангел вовсе не похож на бюрократа. Сочту ее молчание за согласие. И хотя я не коллективист, но многие хотели бы присоединиться, а их просто не принимают. Предпочитаю называть себя фрилансером в плане религии. Мне нравятся ангелы, и потому я неизбежно благоволю религиям, где присутствует ангельское начало. Если они порицают неуместные обряды, то совсем хорошо.

Земля покрыта влажными листьями – они уже гниют, сменяя кристальные осенние оттенки на зимнюю серо-коричневую грязь. Хайзум копает их носом, жадно вдыхая запах

ежей, лисиц и бог знает чего еще. Я же слышу лишь аромат свежевскопанной земли и гниения. Одинокая ворона, словно часовой, сидит на могильном камне с крестом и якорем, наблюдая за нами с тревожным подозрением. Она протестуяще каркает, когда мы подходим слишком близко, а потом широко расправляет черные крылья и взмывает на одну из темных высоких елей. Пара белок носится вверх и вниз по грубой коре толстого ствола, играя в догонялки, как восторженные дети, а Хайзум пристально наблюдает, удрученный, что их не достать. Золотистый вечерний свет медленно утекает прочь, и теперь я чувствую запах костра. Скоро все ангелы скроются в тенях.

Но мою могилу ангел венчать не будет. И на похороны не придет никто, кроме гробовщиков и священника. Не будет ни цветов, ни гимнов, ни слезливой музыки. Вообще никаких слез. Потому что скорбеть будет некому. Дом престарелых – или, как я их называю, Хэппи Энды, – где я, скорее всего, проведу старость, дожидаясь смерти в уродливых платьях и туфлях, воняя дешевой присыпкой с запахом розы и мочой, и с пятнами красной помады на зубах, будет очень рад от меня избавиться. Священник, который, конечно же, будет низеньким и щуплым, с маленьким подбородком и шепелявым голосом, и в бежевых трусах под облачением (или, в наши времена зарождающегося равенства, в больших застиранных дамских трусиках и бюстгальтере, столь же соблазнительном, как кресло стоматолога), затолкает мой гроб в

печь со словами: «Громолеты, вперед!».

Если повезет, мне даже достанется молитва.

Разумеется, я мечтаю вовсе не о таких похоронах. Я бы предпочла стеклянную погребальную колесницу с двумя шикарными черными жеребцами, и чтобы мой гроб внесли в изумительную готическую церковь под звуки «Каста Дивы» из оперы «Норма» Беллини. Не удержусь от искушения и добавлю модель в тельняшке от Жана Поля Готье. Священник будет высоким, темноволосым и харизматичным – достаточно праведным, чтобы служить Господу, и достаточно божественным для меня. Элегантно одетая паства будет скорбеть искренне, но достойно. Мой гроб проскользнет сквозь сиреневые бархатные занавески под песню «Жизнь в розовом цвете», и, разумеется, со мной будет прощаться любимый мальчик.

В моих мечтах.

Когда мы уходим с кладбища, день угасает, уступая место расплывчатому миру теней, и парк напоминает иллюстрацию Артура Рэкхема: высокие черные деревья простирают длинные острые ветви в кроваво-багровом небе. Уличная эстрада – призрачный силуэт на фоне пятнистых оранжевых и малиновых облаков, вуалью покрывших осенний закат во всем его великолепии. Мы срезаем путь по грязной траве, уже жесткой от мороза: Хайзум мечется по все стороны, выискивая воображаемых маленьких существ и отвратительные запахи, а я уверенно иду вперед, стараясь не похо-

дить на легкую цель для грабителя, который ищет, где бы поживиться мобильником. Когда мы выходим на тропу, я вижу маленькую, оборванную фигурку пожилой женщины, которая кормит ворон. Каждый вечер она приносит пакет хлеба для шумных черных птиц, которые слоняются по верхушкам деревьев в той части парка, что граничит с кладбищем. Беспokoйно толкаясь на траве в ожидании хлеба, вороны напоминают компашку угрюмых подростков, околачивающихся на углу улицы. Женщина укутана в залатанное твидовое пальто на несколько размеров больше, чем надо, на ней красная шерстяная шапка с помпоном и красные туфли Мэри Джейн¹ с коричневыми носками. Моя бабушка всегда говорила: «Шляпа красна, а трусиков нет». Я мысленно прозвала незнакомку «Салли в красных туфельках», но понятия не имею, как ее зовут и есть ли на ней нижнее белье.

– Здравствуйте, – кричу я, когда мы выходим на дорожку. – Вечером будет прохладно.

– Отвали, – с улыбкой отвечает она. – Проклятые дрозды сожрали весь мой хлеб.

Ее лексика совершенно не соответствует поведению. У Салли безукоризненные манеры, и она прекрасно владеет бранными словами. «Отвали» в ее устах значит «добрый вечер». Словно словарь у нее в голове перемешался и значения всех слов поменялись местами. У нее бывают периоды про-

---

¹ Модель туфель на небольшом каблуке и тонкой подошве, с ремешком на подъеме и круглым носком. – *Здесь и далее примеч. пер.*

светления, когда она придерживается общепринятых норм, но не сейчас. Возможно, это просто процесс, обратный пройденному нами в раннем детстве, – изучение новых слов и их сопоставление со значениями, как в той карточной игре, когда все карты лежат лицом вниз и вы по очереди переворачиваете по две, пока не подберется пара. В детстве я очень любила придержать какое-нибудь интересенькое словечко, пока не представлялся случай связать его со значением. Я держала при себе слово «хер», пока однажды, лет в девять, не вставила его в беседу с мамой. Она так и не смогла снабдить меня точным значением, но шлепок по попе донес основную суть. Возможно, подобранные пары Салли просто постепенно разваливаются.

Она кидает остатки хлеба на траву, и Хайзум торопится заглотить несколько кусков, прежде чем я успеваю оттащить его за поводок. Мое «до свидания» теряется в хлопанье крыльев ворон, выискивающих последние крошки и дерущихся из-за них. Мы идем привычным маршрутом – вдоль лужайки для боулинга у ограды кладбища, а потом снова по главной аллее, к уличной эстраде. Встревоженный крик дрозда эхом разносится в полумраке – птица напугана Хайзумом, тщательно исследующим кусты и заросли трав. Я снова чувствую запах дыма, люди возвращаются домой с работы, включают свет и разжигают камины в больших викторианских домах возле парка.

Зайдя домой, Хайзум несется напрямиком к миске с водой,

пьет с шумным чавканьем и оставляет на кухонном полу дорожку слюны с водой, на которую я немедленно наступаю, сняв ботинки у входной двери. Я всегда думаю, что после вечерней прогулки хорошо выпить чашечку чая.

Но сегодня, как обычно, наливаю себе бокал вина.

Осталась только лошадка-качалка. Я ждала ровно год. Триста шестьдесят шесть дней. Тогда был високосный год. А потом я освободила комнату.

Ее видно из сада, в окне комнаты на втором этаже: прекрасное создание, серое в яблоках, с раздутыми ноздрями и красным седлом. Сад погружен в обычный для поздней осени хаос. Остатки ежевики превратились в твердые черные шишечки и покрылись милдью, а сбитые ветром яблоки, размякшие и сладкие, гниют под деревьями – щедрый пир для голодных птиц. Несколько стойких георгинов и хризантем еще цветут в потрепанных клумбах, но последние розы опали, и их хрупкие лепестки усыпали темную почву.

Я работала в саду весь день – подметала листья, подрезала кусты и деревья, сажала луковицы и переставляла растения в горшках в теплицу, на зимнюю спячку. Приводила все в порядок. Готовилась. Спина болит, лицо покрыто потом и землей, ногти все черные, а руки исколоты розовыми шипами. Но скоро меня ждет вознаграждение. В кармане начинается жужжать телефон, я достаю его и смотрю на экран. Папа.

– Как зовут проклятое ничтожество, называющее себя старшим констеблем?

Мой отец пренебрегает в телефонных разговорах приветственными любезностями вроде «Привет, это папа».

– Сразу не вспомню, но уверена, что смогу выяснить. Это срочно? Происходит ограбление почтового ящика или нелегальный дикий рейв в павильоне для боулинга?

– Детка, язви сколько хочешь, но сама основа общества трещит по швам, раз пожилой человек не в состоянии выехать с собственной парковки, потому что заблокирован полноприводной колымагой какой-то дуры, которая не может пройти пять метров, чтобы забрать своих лоботрясов из школы. К тому же, когда я попросил ее подвинуться, она сказала: «Отвали, глупый старый ублюдок!» Тут нарушение, усугубленное словесным оскорблением, и я этого просто так не оставлю.

Папу никогда нельзя было назвать сдержанным человеком. Высокая планка, которую он ставит самому себе в вопросах поведения и отношений, является мерилom для всего человечества, и он весьма скептически относится ко всем, кто до нее не дотягивает.

– Я выясню, но учти, старший констебль – женщина.

– Черт подери!

Старшие констебли женского пола явно не внушают ему доверия.

После очень позднего обеда, как обычно, разделенного с Хайзумом, я награждаю себя костром. Не уверена, что это разрешено – скорее всего, противоречит какому-нибудь закону, – но я с удовольствием иду на риск ради треска и шипения горящих листьев, согретых у огня лица и рук и аро-

мата лесного дыма, пропитывающего волосы и одежду. К тому же в это время года костры повсюду. Вчера был Хэллоуин, а на этих выходных предстоит бесконечная какофония фейерверков. Но куда исчезли процессии просителей «пенни для Гая»? Когда мы были детьми, половина удовольствия от Ночи Гая Фокса заключалась в старательном сооружении чучела самого Фокса из старых штанов, рубашки, колготок (для головы) и огромного количества смятых газет. Потом мы водружали его на самодельную тележку и расхаживали по улицам, выпрашивая деньги на фейерверки у добрых соседей. В те времена это было очень доброжелательное мероприятие, не то что современные вымогательства с угрозами. Прошлым вечером Хайзуму удалось прогнать от моей двери толпу подростков, наряженных в вампиров и зомби, но цена, которую мне пришлось заплатить за их бегство без наживы, – полдюжины разбитых яиц на стекле машины.

Огонь занимается не сразу. Некоторые листья промокли, и я раздуваю неуверенное пламя пустым пакетом из-под земли для горшков. Мои старания вознаграждаются шипением и внезапной вспышкой. Наверху, в окне спальни, легонько покачивается деревянная лошадка. Или это лишь игра затуманенного дымом воздуха? Сегодня – *Día de los Angelitos*. День маленьких ангелов. Один из трех дней мексиканского празднования «Дня мертвых» – в *Día de los Angelitos* семьи собираются, чтобы вспомнить умерших детей. Они приглашают в гости их души и чествуют их жизни, пусть и корот-

кие. И мы соблюдаем этот день, каждый год.

Но мне хочется, чтобы нам не приходилось делать это в одиночку. Хочется, чтобы мы могли делиться воспоминаниями, и счастливыми, и печальными. Первые все еще вызывают у меня улыбку, а вторые заставляют сжиматься в комок и плакать.

Мне никогда не хватало мужества пригласить близких и друзей присоединиться. Они могут счесть это излишне сентиментальным, или неадекватным, или просто странным. Эдвард – единственный, кто действительно меня понимает, и поэтому к нам присоединится только Эдвард. Эдвард и Лорд Байрон, его пес. Я сооружаю в саду особый алтарь, *офренду*, и украшаю ее сахарными черепами, светильниками и бумажными бархатцами. Земля, воздух, огонь и вода представлены фруктами, бумажными гирляндами, свечами и стаканом воды, и я расставляю вокруг фотографии моего маленького ангела тарелки с его любимыми сладостями и печеньем (с шоколадом и с заварным кремом) и кладу белого кролика. Это была его любимая игрушка. Он всегда засыпал с ним в обнимку, и кролик истрепался и облысел от многих тысяч поцелуев ангельских губок и объятий пухлых ручек. Костер ярко пылает, Хайзум искоса поглядывает на пламя и чихает от дыма. Я хочу сидеть у огня с Эдвардом и парой бутылок вина и хочу, чтобы лошадка в окне качалась. Хочу откинуть вуаль между нами и прошлым и заставить себя вспомнить. Вспомнить все.

Через несколько часов бутылки пусты, а моя голова покоится у Эдварда на плече. Мы придвинулись поближе к кучке тлеющих углей – это все, что осталось от костра. Мои руки заледенели, как у покойника, но я не могу заставить себя пошевелиться.

– Маша?

Эдвард тихонько шепчет мое имя, но я не отвечаю. Он гладит меня по голове и вздыхает.

– Уснула, – он смущенно ерзает на стуле и целует меня в макушку. – Моя милая девочка, порой мне кажется, мы здесь лишь для того, чтобы поддерживать скорбь.

У меня из-под век струятся слезы.

Хайзум и Лорд Байрон все же поддались искушению и уплетают печенье с заварным кремом.

Элис

Настоящее время

Элис снова перечитала список покупок, чтобы убедиться, что ничего не забыла, и принялась перекладывать содержимое корзины на ленту кассы. Она улыбнулась при мысли, насколько список предметов на листке бумаги изменился за прошедшие годы, отражая превращение ее маленького мальчика в измученного тестостероном подростка. После бесчисленных атрибутов детства его потребности сократились до очень простого меню. Газировка с черной смородиной, сырные шарики, рыбные палочки и пастуший пирог. Он ел все, что она готовила, за исключением грибов и брюквы, но рыбные палочки дважды в неделю подавались непременно. Как все меняется! Рыбные палочки по-прежнему значились в списке, но еда быстро скрывалась под грудой предметов личной гигиены. Дезодоранты, лосьоны для лица, одеколоны, кремы от прыщей и одноразовые бритвы стали повседневной необходимостью. Бритвы! Зачем они вообще

нужны? Подбородок у Мэтти почти такой же гладкий, как у Элис. Может, он бреет ноги?

Выгрузив содержимое тележки на ленту кассы, она задумалась, есть ли у Мэтти подружка. Ему всего тринадцать, но нынешнее поколение начинает рано. У Элис первый нормальный поцелуй случился в шестнадцать с половиной, и даже тогда она была не в восторге. Это произошло с мальчиком по имени Гарет Бладворт после школьной дискотеки. Он проводил ее до остановки и поцеловал, пока они ждали автобус номер девятнадцать. Элис помнила, что тогда шел дождь, и что она порвала колготки об сиденье на остановке, и что Гарет ей не слишком-то нравился, но она решила: на нем вполне можно потренироваться. К тому моменту все ее подруги уже успели поцеловаться – даже Дебора Дики, которая носила брекетy. Элис начинала чувствовать, что отстает, выбивается из компании. Но поцелуй с Гаретом Бладвортом не помог. Ничего ужасного, просто небольшое разочарование – словно откусить от рыхлого яблока. И глаза она не закрывала. Наблюдала, как капли дождя сползают по грязному пластику остановки, пока Гарет пытался положить руку на ее задницу.

– Вам помочь с упаковкой?

У девушки на кассе были сиреневые волосы и серьга в носу. Элис не сомневалась, что «Кортни» – как значилось на бейдже – успела поцеловаться к шестнадцати с половиной годам. А еще, вероятно, заняться сексом, сделать татуировку

и несколько раз испытать тяжелое похмелье.

– Нет, спасибо, – улыбнулась Элис. – Я справлюсь.

Она расправила принесенные с собой пластиковые пакеты и начала заполнять их покупками, в то время как Кортни сканировала продукты и кидала их в ее сторону с головокружительной скоростью. Элис надеялась, что первый поцелуй Мэтти будет с девушкой, не похожей на Кортни. Или Дебору Дики, раз уж на то пошло. Кортни протянула чек и скидочный купон на фруктовый чай и пожелала Элис «хорошего дня» со всем равнодушием, на которое только была способна.

Снаружи, на парковке, гулял холодный ветер, и тяжело нагруженная тележка почти не слушалась. Когда Элис добралась до багажника своего «ниссана», внезапный порыв ударил тележку об заднюю дверь машины, оставив скол на бордово-красной краске. Элис потерла вмятину пальцем, скорее из любопытства. Все равно машина уже старая. Надежная рабочая лошадка. Пока она в состоянии безопасно доставить их с Мэтти из пункта А в пункт Б, пока работает радио и печка, Элис все устраивает. Когда она выехала с парковки, движение в городе стало оживленным – родители отправились забирать детей из школы. Мэтти ездил в школу на автобусе, из поселка на окраину города. Дома постепенно поредели, пейзаж заполнили поля и деревья. С промозглого, разбухшего неба падал мокрый снег, заклепывая грязное ветровое стекло. Пока щетки пытались расчистить Элис вид, она раз-

мышляла, расскажет ли ей Мэтти, если у него появится девушка. Она включила для компании радио, и, пока поп-дуэт Чарльза и Эдди сладкими голосами вопрошал: «Обману ли я тебя?», Элис ответила на собственный вопрос. Конечно, расскажет.

Между ними никогда не было секретов.

Маша

Все, что я слышу, – звук капающей воды. Она мягко приземляется на траву и землю, сильными блестящими брызгами отскакивает от камней и дорожки. В шестнадцатом веке применялась китайская водяная пытка: жертв сводили с ума, просто капая водой им на лоб. Кап, кап, кап. А иногда – кап. Кап, кап. Непостоянный ритм и постоянные мучения.

Этим утром мелкая морось саваном накрыла памятники и гробницы на кладбище, придавая мрамору блеск, а листьям падуба – сияние. И все вокруг капает.

Я пришла навестить детей. После насыщенного утра на работе – я консультировала человека, страдающего бессонницей, ипохондрика и мужчину средних лет, который считает себя реинкарнацией Элизабет Тейлор, – мне нужно немного покоя и тишины. В укромном уголке кладбища, под защитой древних елей, «спят» дети. Здесь всегда свежие цветы и свежие слезы. Вертушки, плюшевые мишки и блестящие шары из фольги. Жалобные напоминания о внезапно оборвавшемся детстве, хотя для некоторых оно и вовсе не началось. Сегодня, под мелким дождем, у меня почти полу-

чается представить, что это – детская площадка. А дети просто убежали домой, оставив игрушки в спешном бегстве от дождя. Но эти дети никогда не вернутся. Эмме Грейс Спенсер было всего три годика, когда она умерла. Единственный ребенок Уолтера и Мари, она обожала танцевать, а ее любимой едой были сэндвичи с джемом. Клубничным джемом. У нее был полосатый котенок по имени Попси, а когда Эмма Грейс хихикала, она морщила носик. Ее родители переехали на побережье и открыли кафе. Они не смогли жить в доме, где умерла их дочь. Интересно, возвращались ли они на ее могилу, где держатся за руки два ангелочка. Эмма Грейс танцевала слишком близко к камину, когда загорелось ее новое платье.

Для оставленных родителей жизнь всегда превращается в ад. Билли Бэнд был активным мальчиком и любил похулиганить. Отец называл его «настоящим маленьким мерзавцем», но все равно любил без памяти. На гранитном надгробии Билли вырезан футбольный мяч, напоминание обо всех голах, забитых им за короткую жизнь. Ему было семь, когда он выскочил за мячом на дорогу и попал под фургон с хлебом.

Должна признаться: это была моя вина. Мой любимый мальчик погиб двенадцать лет, семь месяцев и одиннадцать дней назад, и это была моя вина. У него был спутанный клубок темно-каштановых волос и глаза цвета сирени. Я еще помню мягкость и сладковатый аромат его кожи и чувствую

в своей руке его маленькую, совершенную ладошку. Почти все говорили, что это была трагическая случайность, и мне незачем себя винить. Но я, разумеется, это делаю. Каждый божий день.

Я сворачиваю в сторону от детских могил, чтобы подняться на холм, к польской части кладбища, и вдруг меня пугает маленькая фигурка, снующая среди надгробий. Маленький мальчик в синей куртке играет один, таская за ногу грязного плюшевого медведя. Скорбь порождает безумие особого рода, и на короткий миг над разумом берет верх отчаянная, глупая фантазия. Мой малыш? Внутри все сжимается. Разумеется, нет. Сейчас он уже превратился бы в нескладного юношу, боролся бы с подростковыми прыщами и бешеными гормонами и мучился бы на свиданиях. Я приводила его сюда. Некоторым такое место для игр может показаться странным, но ему нравилось. Он без умолку болтал с ангелами и воронами и пытался кормить белок еловыми шишками.

Хайзум заметил ребенка и тянет поводок, чтобы подойти поздороваться. Я удерживаю его и оглядываюсь в поисках мамы мальчика или другого взрослого, но вокруг никого. Увидев Хайзума, мальчишка радостно пищит и спешит к псу, но поскальзывается на мокрой траве и ударяется головой о бордюрный камень могилы. Я поднимаю его на ноги и осторожно провожу рукой по красному отпечатку на лбу, где начинает расти шишка. Внезапный крик мальчика подтверждает тот факт, что ему скорее страшно, чем больно, и

я вытираю с щечек слезы, изо всех сил стараясь его успокоить. Аромат детской кожи и мягкость волос приводят меня в смятение, даже спустя столько лет. Неужели никто не присматривает за таким красивым маленьким мальчиком?

– Где твоя мама?

Он качает головой, уткнувшись лицом в медвежонка. Я встаю и снова оглядываюсь по сторонам. Женщина с младенцем в коляске спешит к нам по центральной аллее, рассерженно крича от страха.

– Джейден, маленький негодник! Где ты был?

Увидев маму, Джейден снова начинает плакать и тянет к ней руки. Он награжден шлепком по попе и удушающими объятиями. Теперь женщина рыдает так же сильно, как сын, и покрывает его головку сердитыми поцелуями.

– Он упал. Немного ушиб голову, но, думаю, ничего серьезного.

Я пытаюсь сдержать укоризненные нотки, но, видимо, тщетно. Где ее носило? Она испуганно смотрит на меня сквозь слезы – похоже, она не услышала ни единого слова, – и когда малыш в коляске решает присоединиться к хору, я выдавливаю улыбку и разворачиваюсь, чтобы уйти и не сказать ничего лишнего. Но напоследок не могу удержаться и глажу мальчика по голове. Темно-каштановые кудри. Я спускаюсь с холма обратно к входным воротам, а от нижней дорожки все еще слышен их плач.

Когда умер мой мальчик, некоторым людям могло пока-

заться, что я недостаточно скорблю. Недостаточно громко. Но люди тонут всегда тихо. По словам седого лиса Франка, настоящим утопающим редко удается позвать на помощь – они не могут закричать или помахать руками. Слишком много сил уходит, чтобы просто удерживать голову над водой. Так было и со мной. Нужно было разобраться с ужасными, но неизбежными делами, и на неуклюжее публичное выражение скорби просто не хватало сил. Мои вопли вполне могли разрушить стены Иерихона – только звучали они в голове. Но людям нужны проявления горя. Его нужно демонстрировать, чтобы они смогли сыграть роль: вытереть слезы, послать цветы, предложить утешение, хоть и слабое. Стоицизм исключает сочувствие. Его слишком часто и слишком охотно принимают за бессердечность, он неудобен потенциальным утешителям и ставит на скорбящем клеймо изгоя. Неприкасаемого.

Но, оставшись в одиночестве, я оказалась угрозой для себя же самой. Выжила, но не больше. А теперь угодила в отбойную волну скорби и пытаюсь бороться, но тщетно. Борьба утомительна, и порой мне приходится тратить все силы, только чтобы остаться на плаву. Мне не нравится человек, в которого я превратилась, но я не знаю, как стать кем-то другим.

Хайзуму не терпится вернуться в парк. На кладбище его обычно приходится брать на поводок, чтобы он не воровал игрушечных мишек и не задира лез на надгробия и тра-

урные венки. Он не проявляет должного уважения к памяти покойных, и ему нельзя доверять ничего маленького и пушистого. Когда мы проходим под пихтами, стерегущими ворота в железной оgrade, я отпускаю пса, и он бросается прочь, словно чупакабра (слово дня – *нечто очень свирепое*), в погоне за жирными голубями – но они улетят задолго до того, как Хайзум добежит до них, бросив меня в одиночестве.

Да, я совершенно одна. У меня нет ребенка, а значит, я больше не мать, и нет мужчины, так что я не жена и не любовница. У меня есть чудесные друзья, которых я люблю и знаю, что это взаимно, но нет человека, для которого я стала бы центром вселенной, как и он для меня. Только Хайзум. И поэтому я ужасно боюсь стареть. В итоге я окажусь в доме Хэппи Эндов, потому что больше обо мне будет некому позаботиться, и, возможно, именно это я и заслужила.

Дорога от ворот усеяна скелетами еловых шишек, обьеденных белками и сброшенных с высоты в надежде попасть по какому-нибудь ничего не подозревающему прохожему. Собираются вороны, предвкушая появление Салли с ужином. Они непрерывно толкаются и громко кричат от голода и нетерпения. Я вижу, как она шаркает вдалеке в своем огромном пальто, словно растрепавшаяся посылка. Нерешительно машу рукой, сомневаясь, что она меня увидит и узнает, и спешу за Хайзумом. Он разогнал голубей и теперь яростно лает на высокое дерево, явно ругая какую-то белку, которая сжульничала при игре в догонялки и забралась на

ствол. Морозящий дождь усилился, и, несмотря на шапку, шарф и пальто, меня колотит от холода. А может, от мыслей о медвежатах, цветах и вертушках, что лежат в сырой траве на детских могилах.

– Дорогая Маша! Как ты?

Епифания целует воздух возле обеих моих щек, а потом пристально смотрит в глаза, положив руки на плечи. Она понимающе поднимает брови.

– Хм. Возьму тебе выпить.

Епифания – настоящий друг. Из тех, кого можно смело брать в разведку, если вдруг возникнет необходимость. Мы подружились в школе, вместе путешествовали после университета, а потом вместе работали. Она всегда была рядом со мной: в хорошие, в плохие и в крайне скверные времена. Епифания прибегает в паб «Кок энд Кертан»² и обольстительно хлопает ресницами в сторону привлекательного бармена, лет на двадцать ее моложе и куда более женственного, чем следует. Епифания твердо уверена, что название паба соответствует внутреннему убранству, безумной смеси викторианского борделя и раздевалки мюзик-холла. Кроваво-красные шторы с пышными оборками, как на юбках у танцовщиц канкана, и бутылочно-зеленые бархатные стеганные диваны, заляпанные пивом и прожженные сигаретами для пущей колоритности. На фоне бордово-кремовых флоксовых обоев висят в рамках черно-белые фотографии

---

² От «The Cock and Curtain» (англ.) – «Член и занавеска».

звезд немого кино и артистов мюзик-холлов и подписанная фотография Барбары Картлэнд. Над открытым камином – ужасающая композиция из чучел маленьких ярких птиц, сухих цветов, листьев, бус, лент и чучела мыши, погребенная под большим стеклянным куполом. Она завораживает своим уродством, словно плод сотрудничества Дэмьена Хёрста и Лоры Эшли. С потолка свисает коллекция фарфоровых ночных горшков, и повсюду витает запах выдохшегося пива, печного дыма и мебельного лака.

Маша – не мое настоящее имя. Епифания дала мне это прозвище много лет назад, и оно сразу намертво прилипло. Она говорит, что назвала меня в честь героини «Чайки» Чехова, чья первая реплика в пьесе звучит как «Это траур по моей жизни», намекая на тот факт, что я провожу слишком много времени, шатаюсь по кладбищу. Она возвращается от барной стойки с бокалами белого вина и со звоном ставит один передо мной, широко улыбаясь.

Епифания делает большой глоток вина и откидывается на спинку стула. Ее золотисто-каштановые волосы пострижены в короткую круглую прическу, а губы – словно ломтик блестящей сливы на бледном лице с высокими скулами. Она работает в местном совете, в отделе кадров, который теперь называется «Министерство развития, распределения и ликвидации людей» (Оруэлл бы оценил), где я когда-то была ее коллегой, и ей явно не терпится поделиться со мной какими-то крайне непристойными сплетнями. Паб постепен-

но заполняется посетителями вроде нас – друзьями, которые встречаются пропустить пару стаканчиков по дороге с работы, – и Епифания выразительно оглядывается, а потом театральным шепотом сообщает: «Заместитель главного пожарного был арестован в мужском туалете, одетый в женскую одежду!»

Заместитель главного пожарного – розовощекий амбал с рыжими кудрями, явный любитель стейков, пудингов с почками и пива «Гиннесс».

– Его вполне справедливо отпустили без обвинений, потому что никаких преступлений он не совершал, разве только в плане стиля. Юбка-колокол, шифоновая блузка и довольно скучная двойка. Вот правда, дорогая, о чем он только думал! Облегающее платье от Дианы фон Фюрстенберг смотрелось бы куда эффектнее. С его зарплатой вполне можно себе позволить.

Я делаю глоток вина, пытаюсь поспеть за весьма хаотичным ходом мыслей Епифании.

– Но если его отпустили без обвинений, в чем проблема? Епифания опускает бокал и вздыхает. Выражение ее лица меняется, моментально выдавая истинные чувства.

– Какой-то хитрожопый говнюк из местного участка сфотографировал его на телефон, а теперь телефон пропал. А заместитель очень хочет сохранить дело в тайне, и провел – ха-ха! – все утро в своем кабинете со старшим констеблем, устроив ей разнос насчет непрофессионализма ее офицеров

и пытаюсь найти способы минимизировать ущерб.

Я улыбаюсь, представив, как этим напыщенным индюкам пришлось иметь дело со столь неожиданной шифоновой блузкой.

— Как оказалось, он вышел в таком виде лишь на один вечер, и его вскоре поймали. Выходить из дома в женской одежде для него в новинку, и когда позвала нужда, ему не хватило смелости зайти в женский туалет. К несчастью для него, местный проныра, которому было больше нечем заняться, увидел, как он заходит в мужской туалет, и вызвал полицию.

Когда я работала в совете, обсуждаемый джентльмен был молодым чиновником, относительно амбициозным и строго соблюдавшим правила, а все наши встречи производили на меня исключительно приятное впечатление. И теперь я испытала какое-то необъяснимое восхищение этим тридцатипятилетним мужчиной, которого до нынешнего момента считала здравомыслящим и скучным, как телесные колготки и мюсли с отрубями на завтрак. Я страсть как люблю скрытые глубины. Но прекрасно могу понять, почему мое внезапное одобрение разделяют далеко не все.

— Думаю, они боятся, что желтая пресса раздует пламенный скандал, который может неудачно совпасть с недавним обзором зарплат начальников отделов, после которого у большинства местных избирателей сложилось впечатление, что недавнее повышение муниципального налога обеспечи-

ло старшему руководству отпуска в Тоскане.

– Именно! И поэтому его выбор одежды еще более непростителен.

Я оставила работу в местном совете по многим причинам. И странно, что вообще продержалась так долго. К сожалению, текущая ситуация вполне типична. Совет заявил о политике «Управления с учетом многообразия» еще много лет назад. Была объявлена незаконной дискриминация всего и вся, в том числе трансвеститов. Но когда появился настоящий мужчина в помаде, на высоченных белых каблуках и со знаменитой огромной зарплатой сотрудника правления, высокие лица упустили блестящую возможность доказать, что среди них есть человек, который не только говорит, но и пытается довести дело до конца. Но поскольку дело это шло пошатываясь на шпильках сорок третьего размера, оно было провалено на первом же препятствии.

Несомненно – многочисленные и разнообразные таланты Епифании пропадают на ее работе впустую. Но, как она мне однажды сказала, ее все устраивает. Ее реальная жизнь проходит вне офиса. Она живет в восхитительной декадентской квартире, где представляет себя героиней полотен Джованни Болдини. Квартира обставлена бархатными кушетками, украшена зеркалами с позолоченными рамами в стиле рококо, страусовыми перьями, жардиньерками, аспидистрами и антимакассарами³. В гостиной стоит кабинетный рояль, на-

---

³ *Антимакассар* – салфетка, которая кладется на спинки и подлокотники ме-

крытый расшитой шелковой рояльной шалью, и эдвардианский портновский манекен в атласном корсете и зеленом стальном шлеме. Красивый граммофон регулярно проигрывает хиты 1978 года, которых у Епифании обширная коллекция. Она делит квартиру с парой сиамских кошек – они линяют на антимакассары, копаются в жардиньерках и выглядят элегантно, но слегка высокомерно – и бойфрендом, художником по имени Стэнли.

Епифания допивает бокал и посылает мне свой фирменный взгляд.

– Итак, дорогая Маша, Расскажи-ка – ты все еще ходишь плавать?

Подруга знает о моих регулярных походах в бассейн, но даже она не в курсе об их истинных причинах.

– Ходила в среду, – широко улыбаюсь я, прекрасно зная, что выглядит это словно праздничный колпак на гробовщике.

– Ну, очень надеюсь, что вся эта история с плаванием происходит ради какого-нибудь шикарного мужчины в плавках – Джеймса Бонда, который рассекает по дорожкам, как олимпиец, пока ты изящно позируешь на лежаке.

На этот раз я улыбаюсь искренне.

– Ага, в ноябре! На земле уже иней лежит!

Епифания идет по лезвию ножа, как заправский канатоходец. Судя по выражению лица, ей есть что добавить, но

она сдерживается и молчит. Я знаю, что она хочет помочь, но не могу позволить. Хотя, даже если бы я позволила, что она может сделать?

В таком случае она предпочитает сменить тему.

– Ну, а я посвятила сегодняшний рабочий день дисциплине. Воспитывала персонал.

– Рассказывай! Только подожди, я повторю.

Когда вино на столе, Епифания приступает.

– Ты же понимаешь, если я расскажу, мне придется тебя убить.

– Разумеется. Так что давай, выкладывай. Кто что натворил – якобы?

– Кто-то из сотрудников столовой подмешал в кофе членов подкомитета по рационализации ресурсов Виагру. Якобы.

– Ну и молодец. Подозреваю, некоторые из них могут быть ему благодарны!

Епифания смеется.

– Слушай дальше. Глава подкомитета встал, чтобы произнести речь на совещании, и понял, что стоит не один. Он не знал, гордиться или краснеть!

Мы допиваем вино и утепляемся перед выходом на холодную улицу.

– Ой, кстати, забыла сказать. У Рони новый парень.

– Да ладно! Что за тип?

Рони – младшая сестра Епифании и ее полная противопо-

положность.

– Понятия не имею, но скоро мы все узнаем. Он придет на ужин в следующую субботу. Как и ты.

8

Элис

Капающий кран отмерял время, отдаваясь в голове болезненным стуком. Они поспорили, и она вышла из себя. Свежеиспеченный шоколадный пирог на бело-голубой тарелке смотрел на нее с издевкой.

– Мне не нужен твой тупой, дерьмовый пирог!

Неужели Мэтти действительно так сказал? Ее Мэтти? Нет. Он выкрикнул это ей прямо в лицо, приблизившись вплотную. Она смогла разглядеть багровую пятнистую сыпь от утреннего бритья на подбородке и почувствовала мускусный запах подростка, его не мог скрыть никакой одеколон. Элис устало села и потерла ладонями виски. Он задержался, было уже темно, и она заволновалась. Это ведь нормально, да? Любая мать бы заволновалась. Но в глубине души она знала: ее страх становился все сильнее с каждым разом, как Мэтти уходил из дома. Она всегда боялась, что больше никогда его не увидит. Она поймала себя на том, что впала в состояние транса, металась между часами на стене и окном. Когда он вернулся домой, опоздав почти на час, ее голова была готова взорваться. Он зашел к Сэму, посмотреть его новую гитару.

А не позвонил, потому что ему уже ТРИНАДЦАТЬ! Он не ребенок. У Сэма классная мама. Она отпускает Сэма в город одного и не смотрит каждый день в окно, дожидаясь его из школы, как какой-то психованный маньяк. И ему не нужен ее тупой, дерьмовый пирог!

Элис вытерла ладонью слезы. С этим она еще не сталкивалась. Мэтти всегда был милым послушным мальчиком, а теперь вдруг рядом оказался раздражительный, непредсказуемый подросток. Она даже больше не узнавала его голос. Он то рычал, то пищал, словно дуэт медведя гризли и морской свинки. А сегодня она его чуть не ударила. Но вместо этого ушла. В сад, к ограде, удерживающей буйство ежевичных кустов. Мэтти потопал наверх, в свою комнату, вымещая ярость в каждом шаге. Она видела из сада, как в окне спальни он снимает и швыряет на кровать форму. Было слишком холодно, чтобы долго оставаться снаружи, и теперь она вернулась на кухню к дерьмовому пирогу, раздумывая, что же делать дальше. Она – его мать. Она должна знать, что делать, и у него есть только она. Ни бабушек, ни дедушек, ни тетя, ни дядя. Ни фей-крестных. Элис проверила лазанью в духовке. Та начала подгорать по краям, а начинка, пузырясь, потекла наружу. Наверное, от ее дерьмовой лазаньи он тоже откажется. Элис выключила духовку.

Вскоре дверь кухни отворилась, и внутрь проскользнул Мэтти в своих любимых старых трениках, робко улыбаясь. Он снова казался таким маленьким, похожим на ее мальчи-

ка. Она глубоко вздохнула.

– Мэтти, я беспокоилась. Сейчас так рано темнеет, а на улице всего два фонаря. Если бы ты позвонил и спросил, все было бы иначе. Для этого и нужен телефон. Но ты не позвонил, и я начала беспокоиться, что случилось что-то плохое. С тобой, – она немного помолчала и добавила: – Понимаешь?

Он кивнул, опустив взгляд.

– Прости, мам. Не хотел тебя тревожить.

В детстве он бы обнял ее, но сейчас слишком стеснялся. Он неловко погладил ее по руке – неуклюжий, любящий жест, после которого все вдруг стало хорошо. Элис потрепала его по волосам – он по-прежнему был ее мальчиком – и покачала головой с наигранным сожалением.

– Ну, боюсь, это придется просто выбросить, – она взяла тарелку с пирогом и направилась к мусорке.

– Нееет! – завопил Мэтти и проткнул пальцем шоколадную глазурь, а потом намазал ею кончик ее носа.

После ужина, когда Мэтти доделал домашнее задание, они устроились на диване, чтобы в сотый раз посмотреть «Валл-И». Мультфильм про маленького милого робота, который остался один, чтобы чистить Землю после апокалипсиса, горячо любимый Мэтти с того дня, как они впервые посмотрели его в кино. И до сих пор, что убеждало Элис – ее маленький, милый мальчик по-прежнему живет где-то внутри долгового подростка, сидевшего рядом с ней, и, когда в конце заиграла знакомая музыка, она точно видела, как он смахнул

со своей раздраженной бритьем щеки слезу.

Маша

Одноквартирный дом 1930-х годов, где живут мои родители, – настоящая машина времени. Каждая комната отправляет в определенный отрезок прошлого. На стене той, что некогда была моей спальней, по-прежнему крепко приделан постер с репродукцией «Красных крыш» Писсарро. Теперь загнутый по углам и потрепанный по краям, он был подарком на мой четырнадцатый день рождения, и тогда с двух сторон от него висели Мадонна и Бой Джордж. Одноместная кровать пуста, но я все еще помню украшенное розами стеганое одеяло, которым ее накрывали. В нем был особый, потрепанный шик – такие теперь стоят на «Эбей» целое состояние. Я помню, как покалывались перышки, высовываясь сквозь шелковистую ткань, помню пудровый, фиалковый аромат, когда я сворачивалась под ним зимними ночами. Мама много раз пыталась убедить меня поменять его на обычное пуховое одеяло, но оно было из дома моей любимой бабушки, и я отказывалась с ним расставаться. Мой белый туалетный столик стоял у окна, усыпанный разными побрякушками, столь ценимыми каждой девочкой-подрост-

ком. Блестящие флакончики с духами и яркими лаками для ногтей, тушь и тени от «Мэйбеллин» и деревянная музыкальная шкатулка, где лежал серебряный браслет с брелочками и клубок дешевой бижутерии. Теперь тут ничего нет, только пустая кровать и постер, но эти четыре стены по-прежнему хранят дух моей подростковой сущности.

Мама и папа собирались переделать эту комнату для своего внука. Но прежде чем из кладовой успели принести стремянку и сколотить стол для поклейки обоев, их планы стали неактуальны. Я не стала спрашивать, куда они дели обои с кроликом Питером и подходящее к ним постельное белье.

На лестничной площадке – небольшой застекленный шкафчик с коллекцией маленьких статуэток животных, папа дарил их маме, когда за ней ухаживал. Собаки всегда были моими любимцами, и, когда мне было шесть или семь, мне иногда разрешали доставать их, чтобы поиграть. Аккуратно. Я воспроизводила сюжет «Ста одного далматинца» – ну, или его весьма вольную интерпретацию, с парой мопсов, таксой, большим догом и одним невнятным экземпляром, моим любимым товарищем по играм, который напоминал помесь овцы и ласки. Он по-прежнему стоит в шкафу, хотя и потерял в одном из наших приключений ногу. Он десантировался на пол на парашюте из дождевика, чтобы спасти одного из мопсов из цепкой хватки беспощадной долгоножки, и не рассчитал приземление, ударившись о край журнального столика во время спуска. Я приклеила его лапу обратно маленьким

кусочком жвачки. Мама, наверное, до сих пор не знает.

На кухне задняя стена кладовой по-прежнему хранит обрывки обоев из моих самых ранних воспоминаний – жуткий коричнево-кремово-оранжевый цветочный узор, – некогда они покрывали все стены и являлись элементом высокой домашней моды, когда я еще сидела в высоком стуле. А еще где-то в недрах кладовой, возможно, спрятанный за пыльным пакетом кукурузной муки или убранный в пустую жестянку из-под какао, лежит белый фарфоровый слоник – фигурка для выпуска пара из пирога. Он еще бабушкин, и мама использовала его каждый раз, когда готовила яблочный или черничный пирог. В детстве я очень его любила. И мой малыш тоже любил. И именно поэтому теперь его убрали подальше, опасаясь, что он может вызвать болезненные воспоминания. Он, я знаю, он все еще здесь, где-то здесь. Они бы не смогли с ним расстаться, но видеть его тоже невыносимо.

Хайзум врывается через заднюю дверь, неистово размахивая хвостом, и направляется на поиски мамы, которая весьма слабохарактерна, если дело касается содержимого холодильника. Прежде чем я успеваю вытереть ноги о коврик, она спешит вслед за ним на кухню.

– О, мой большой мальчик! – приветствует она пса, обхватив его голову руками. – Наверное, голодный, да?

Она открывает холодильник и скармливает ему полдюжины коктейльных сосисок – Хайзум заглатывает их, не проже-

ывая.

– Чашечку чая, милая? – осторожно спрашивает она у меня.

– Спасибо, мам. Только быстренько. У меня куча дел. Я зашла сообщить папе имя старшего констебля.

Я всегда так делаю. Прокладываю путь к отступлению, едва ступив на порог. До возвращения на работу у меня есть как минимум час, но я не могу здесь находиться без проторенной дорожки к двери. Мне нужно видеть горящую в темноте табличку «ВЫХОД», просто на случай, если придется убежать от воспоминаний, которые постоянно здесь резонируют. Заходить было вовсе не обязательно. Я могла позвонить, но я люблю с ними видеться. И знаю, какую радость доставляют им встречи с Хайзумом. Но. Я прохожу в гостиную, оставив Хайзума в кухне выпрашивать у мамы сосиски. Эта комната кажется самой близкой к настоящему, но все равно будто застряла в том ужасном моменте, который навсегда переменял наши жизни. Гостиная выходит на две стороны, на переднюю и заднюю части сада, и сейчас купается в рыжевatom свете солнечного зимнего полдня. Я, как обычно, сижу на диване лицом к окну, которое выходит на тщательно подстриженную лужайку и живую изгородь из бирючины, где нашла убежище стайка болтливых воробьев.

Раньше фотографии занимали почетное место на каминной полке, но сейчас они стоят на письменном столе в темном углу комнаты, возле окна, выходящего на задний двор.

Всего три. На одной из них ему всего десять недель. Он у меня на руках, всматривается в лицо, а маленькие пальчики левой руки сжимают мой большой палец. Когда я смотрю на снимок, руки вспоминают его теплую живую тяжесть и как крепко он держался за палец, словно никогда не отпустит. Но я не смотрю. На другом фото он в саду, на заднем дворе этого дома, сидит на покрывале, раскинув ноги, и играет в мяч. Третья была сделана всего за неделю до смерти. Это студийное фото гордых бабушки и дедушки с драгоценным внуком. Счастливые улыбки перед большим несчастьем. Мы никогда это не обсуждали – переезд фотографий. Мы вообще теперь многое не обсуждаем.

Заходит крайне довольный собой Хайзум, а за ним несет две чашки чая мама.

– Я уже дважды звонила твоему отцу, но он возится с чем-то в гараже, так что, если его чай остынет, сам виноват.

Она дает мне кружку и пододвигает подставку под горячее, лежащую на приставном столике рядом с диваном. Стоит маме опуститься в кресло, как Хайзум роняет ей на колени свою голову, не сводя обожающего взгляда.

– Как поживает мой красивый мальчик? – спрашивает она, поглаживая его по ушам.

– Полон сосисок, судя по тому, сколько времени провел, засунув нос в твой холодильник, – поддразниваю я.

Хайзум довольно вздыхает, наслаждаясь всеобщим вниманием. А может, у него просто несварение. Я не удивлюсь.

– Он такой здоровяк, ему нужно поддерживать силы.

Хайзум поддерживает мамину точку зрения, положив ей на колено громадную лапу.

– Чай холодный! – врывается папа, все еще в кепке и комбинезоне, с покрасневшим от холода в гараже носом.

– Я звонила тебе дважды, но ты либо оглох, либо слишком громко слушал радио. В любом случае, в чайнике есть еще, можешь налить себе свежий.

Хайзум спешит за папой обратно на кухню, и я слышу, как опять открывается дверь холодильника.

– Он так разжиреет! – кричу я, но папа либо действительно оглох, либо – что более вероятно – предпочитает меня не слушать.

Мама подкладывает себе под спину подушку, берет со стола чашку и делает глоток.

– Твой отец не только оглох, он еще и умом тронулся, – ворчит она. – Чай еще вполне горячий. Ну, как там на работе? Много дел?

Мило, безопасно. Это мы обычно и обсуждаем – работа, Хайзум, погода. Забирают ли коммунальщики на этой неделе садовый мусор или отходы из оранжевого контейнера. Удобные темы. Другие разговоры готовы вырваться в любую секунду, но мы их тщательно душим.

– Довольно много. На этой неделе было два новых клиента, от них всегда много хлопот.

Равномерно тикают часы, отмечая чуть неловкие паузы в

нашей беседе. Мама тихо считает секунды, но прекращает, поймав мой взгляд на своих тихо шепчущих губах.

– Пегги, соседка, пойдет на следующей неделе к врачу, лечить катаракту. Я пообещала приготовить ее Роланду куриную запеканку, чтобы помочь ему продержаться, пока она не привыкнет к повязке на глазу. Она боится, что не сможет готовить, потому что все будет валиться из рук.

– У нее будет повязка на глазу, а не гипс на руке. Ей просто охота заполучить твой домашний обед вместо месива из микроволновки, которое она обычно готовит.

Соседи – очень милая пара, но готовка никогда не была сильной стороной Пегги.

– Ты вообще своего барбоса кормишь? Он помирает с голоду, – возвращается папа, уже без кепки, но с чашкой чая. Хайзум идет за ним, тычась носом ему в карман.

– Он уж точно не голодает. Знаешь ли, волкодавы едят солидные порции. Просто он понял, что вы с мамой готовы баловать его до бесконечности.

Хайзум засовывает нос папе в карман, из-за чего тот проливает чай на брюки. Я хватаю пса за ошейник и говорю строгим голосом:

– С меня довольно, дружок. Или сиди спокойно, или будешь ждать на улице!

Попытка восстановить дисциплину провалена, потому что папа немедленно бросается на защиту собаки:

– Ой, оставь оболтуса в покое. Его просто привлек мятный

леденец в моем кармане.

В качестве доказательства он достает подтаявшую конфету, и Хайзум тотчас же с надеждой подсакивает к нему.

– Исключено! – предупреждаю я. – Особенно если учесть, что ты никогда не даешь мне чистить свои зубы, – добавляю я опечаленному Хайзуму.

Я допиваю чай, встаю и протягиваю папе листок бумаги.

– Вот координаты старшего констебля. Только не делай глупостей...

По очереди целую родителей.

– Не провожайте. Пейте чай.

– Его остатки! – поправляет папа, потрепав Хайзума по голове.

Проходя через кухню, я останавливаюсь возле задней двери и заглядываю в кладовку. На несколько мгновений меня охватывает желание зайти и отыскать фигурку для пирогов. Взять ее в руку, почувствовать холодную гладкость фарфора. Но нет. Я оставляю нетронутым горько-сладкий мир оттенков сепии, в который превратился дом моих родителей.

Сегодня температура воды – 8,7. Иными словами, абсолютно ледяная. Я провела в бассейне от силы десять минут. Отчасти из-за холодной воды, отчасти из-за любопытной варвары в гидрокостюме. Я знаю, что большинству людей мое поведение в бассейне кажется немного странным, и прекрасно понимаю почему. Я уплываю на глубину, исчезаю под водой, остаюсь там долго, насколько могу, и возвращаюсь к выходу. Прекрасно понимаю, выглядит подозрительно, но я не делаю ничего плохого. Не писаю в воду и не пожираю глазами проплывающие надо мной достоинства в плавках. Я не ожидаю, что мне станут задавать вопросы. Мы в Англии. Но женщина в гидрокостюме была из Австралии.

– Обалдеть, что вы творите? Немного прохладно для игры в рыбку, разве нет?

Видимо, она зашла в воду сразу после меня, и из-за нее я теперь сижу в машине на парковке и делаю вид, что пою, пока Эдит Пиаф устраивает мне сцену. Эдит Пиаф – моя машина, бело-зеленый Citroen 2CV. Как и тезка, она – маленькая француженка с огромными глазами (фарами) и порой ведет себя как настоящая дива. В данный момент она возмущена холодом и отказывается заводиться, и поэтому мне приходится устраивать это нелепое представление, пока австралийка бесконечно долго возится с замком велосипеда на

велопарковке.

– Я певица. И погружаюсь под воду, чтобы отрабатывать дыхательные техники.

В тот момент я была вполне довольна собственной ложью. Она застигла меня врасплох. Я сказала первое, что пришло в голову, и, мне показалось, прозвучало вполне достоверно. Но более длительную беседу я бы поддержать не смогла. Я ничего не знаю о «настоящем» пении. Так что теперь я тщательно создаю видимость на случай, если австралийка наблюдает, и мечтаю, чтобы Эдит поскорее соизволила завестись. Я даже решила изобразить, что пою «Вальсируя с Матильдой». Наконец Эдит издает сдавленный звук, вздрагивает и оживает. *Мерси боку!*

Доехав до дома, я паркую Матильду и отправляюсь в супермаркет на углу. Не уверена, что она завелась бы снова, если бы я остановилась у магазина. На полу сидит Элвис, тщательно изучая банки с томатным супом. Не мастер крутить бедрами из Грейсленда, Мемфис, штат Теннесси, а местная его реинкарнация. Нашему Элвису далеко за шестьдесят, у него прилизанные черные волосы и красные ковбойские сапоги. Сегодня на нем кожаная кепка, потертые бархатные брюки и несколько слоев косметики. А еще наш Элвис ездит на велосипеде. Но не на обычном велосипеде. Это великолепная машина с разноцветными кисточками, приделанными к ручкам, большой плетеной корзиной и массой зеркал на длинных ножках, которые напоминают странные футуристи-

ческие цветы. Я отчетливо помню, что в детстве пределом моих мечтаний были две вещи, прежде чем отчаянная тоска по пони затмила все остальные желания. Я хотела купальник с маленькой юбочкой в оборках и разноцветные кисточки на ручках велосипеда. Но не получила ни того, ни другого. Каждый раз, когда я вижу велосипед Элвиса, то испытываю легкую зависть и аккуратно глажу кисточки, если он стоит возле входа. Однажды я даже задумала великую кражу велосипеда. Но мне с ним никак не скрыться. Всем известно, что это – машина мечты Элвиса.

Элвис – вьедливый покупатель. Сегодня в его списке томатный суп, а значит, каждую банку нужно достать с полки, тщательно изучить и поставить на пол. Когда будут осмотрены все банки, примется решение, и выбранная банка отправится в корзину для покупок. Периодически кто-нибудь неодобрительно цокает языком: чтобы добраться через Элвиса и расставленные на полу продукты до кукурузных хлопьев, приходится совершать сложные маневры, но постоянные клиенты просто через него перешагивают. Буквально.

Магазин на углу – миниатюрный макет всего района. Корзины, наполненные продуктами, – маленькие окошки в жизни его клиентов. Консервированный чернослив и очиститель для протезов покупают обитатели жилья для пенсионеров. Конфеты, чипсы и газировку берут ученицы младших классов частной школы для девочек чуть дальше по улице: шумные, самоуверенные существа в гольфах и с повязками на

голове, как у Алисы в Стране Чудес. Журналы со сплетнями о знаменитостях, бутылки воды со вкусовыми добавками и блеск для губ – для учениц средней школы, стройных девушек, менее громких и самоуверенных, но более высокомерных. Сигареты, дешевый сидр и разводную лапшу предпочитают резиденты льготных квартир, в основном молодые одинокие безработные мужчины. Дорого одетые тридцатилетние карьеристы, живущие на улицах по сторонам от главной дороги, в больших домах, до краев наполненных техническими новинками и дизайнерской мебелью, покупают лемонграсс, трюфельное масло и козий сыр для совместных ужинов с другими дорого одетыми тридцатилетними карьеристами, с именами вроде Хьюго или Оливия.

А может, я их недооцениваю.

Может, эта разодетая в «Тед Бейкер» дама, которая тщательно выбирает спелый авокадо, чтобы подложить его к сметане, фаршированным оливкам с перцем и органическому шоколаду, крутит бурный предпенсионный роман с инструктором по зумбе, у которого узкие бедра и влажные губы. Может, она идет домой, чтобы переодеться в нижнее белье от «Ажен Провокатор». Может, эта дама и ее любовник измажут друг друга органическим шоколадом, а потом будут слизывать его во время фрикций неистового и потного секса. Может быть. Но насчет людей из квартир для пенсионеров я точно права. Консервированный чернослив берут для пищеварения, а не для секса. Я зашла купить бутылку вина,

кремовый пончик, собачье печенье, пачку мятных леденцов и бумажные платочки, и, вероятно, это означает, что я выпивающая одинокая собачница, которая утешается едой, имеет проблемы со свежестью дыхания и хронический насморк.

Элвис стоит за мной в очереди, тихо напевая себе под нос. Пожилая женщина на кассе пытается вытащить из кошелька монеты шишковатыми артритными пальцами, чтобы заплатить за пинту молока и упаковку сливочной помадки. Интересно, будет ли сливочная помадка в Хэппи Эндах? От этой мысли мне становится немного дурно. Монеты выпадают из неловких пальцев бедной женщины и разлетаются по полу. Элвис собирает их и осторожно опускает в ее покрытую венками и трещинами ладонь, игриво подмигивая. Она улыбается.

По дороге домой я снова вижу Элвиса, он пролетает мимо на своем прекрасном велосипеде. Улыбается всем, кого видит, и громко поет, а кисточки развеваются на ветру. Эти простые удовольствия делают его очень преуспевающим человеком, и я завидую богатству такого рода. Счастью. Я хочу снова стать счастливой.

Вино я купила для сегодняшнего вечера у Епифании. Но там, слава богу, нет ни малейшей опасности встретить кого-нибудь Хьюго или Оливию. Скорее уж я встречу там Элвиса – того, который умер в 1977.

*Ужин – одна из самых важных форм досуга.
Гораздо почетнее быть приглашенным на ужин, чем на
обед или на вечеринку.*

Леди Трубридж

– Знакомьтесь – Хьюго! – Софрония, младшая сестра Епифании, явно без ума от самодовольно улыбающегося спутника. – Он – любовь моей жизни!

Господи помилуй.

Софрония предпочитает сокращать свое имя до «более крутого» Рони, и она – полная противоположность Епифании во всех возможных смыслах. Высокая и фигуристая, с роскошной гривой иссиня-черных волос, большая часть которых принадлежала раньше девочкам-сироткам из Индии. Выдающиеся волосы дополняют глаза – сегодня они столь изумительно бирюзовые, что она явно носит контактные линзы либо сделала косметическую операцию по смене цвета (оказывается, это становится очень популярным – очередной ценный факт, почерпнутый из «Гугла»). Свой сногшибательный образ Рони дополнила акриловыми ногтями, которые легко можно принять за холодное оружие. Она нанесла больше косметики, чем продается в супермаркетах по субботам, и залила все это лаком для волос и духа-

ми в таком объеме, что можно было бы задушить целую стаю шахтерских канареек. Именно таких, как она, моя бабушка, неодобрительно цокая языком, называла привлекательными в «очень очевидном» смысле. Платье Рони практически отсутствует – в буквальном смысле. Оно мало минимум на размер. Двенадцатилетней девочке. Рони работает в колл-центре, но, глядя на нее, я поражаюсь, как она вообще может что-то делать. Должно быть, по утрам она тратит несколько часов, чтобы накраситься, а потом у нее возникает непростая задача сохранить лицо в целости. Как от нее не отваливаются куски краски – для меня полная загадка.

У меня закрадывается тайное подозрение, что Хьюго – агент по недвижимости и – это лишь предположение – полный придурок. На нем ярко-розовая рубашка и дизайнерские джинсы, а его улыбка примерно такая же искренняя, как обещания политиков. Но может, он просто нервничает в незнакомой компании.

– Неплохое тут у тебя местечко, Фанни, – нарочито громко заявляет он Епифании. – Продал похожее на прошлой неделе за кругленькую сумму паре из Лондона. Разумеется, дизайн интерьера там сделан профессионалом, не то что у тебя, и нет всего этого старья (он обводит жестом драгоценное имущество Епифании), но, если немного поработать, добавить качественную сантехнику и мебель, твое будет стоить почти столько же. Если задумаешься о продаже, дай знать, я с удовольствием дам тебе пару наводок.

Выходит, я была права оба раза. Епифания с трудом сглаживает и отвечает с завидным самообладанием:

– Спасибо, буду иметь в виду. И кстати, предпочитаю, когда меня называют Епифания.

Хьюго слишком занят расчетом рыночной стоимости ее жилища, чтобы ответить.

Епифания в роскошном черном с золотой вышивкой кимоно тридцатых годов, как всегда, приветствует меня воздушными поцелуями и подает приветственный бокал «Совиньон Блан». Она закатывает глаза в сторону Хьюго, и я сочувственно улыбаюсь. Епифания очень любит сестру, но ей частенько приходится бороться с желанием ее придушить. Рони – милая девушка с прекрасными зубами, изумительной грудью и полным отсутствием здравого смысла, из-за чего она постоянно вляпывается в катастрофические отношения с довольно неприятными мужчинами, и ее вечно постигают разочарования в любовных делах. Список ее предыдущих парней привел к справедливой настороженности у Епифании и у меня перед знакомством с новыми возлюбленными, и Хьюго производит явно не лучшее первое впечатление.

Помимо меня, пришла наша общая подруга и моя коллега Хелен с мужем Альбертом, астрофизиком. У них есть восхитительная дочь, Джулия, уже в свои одиннадцать лет пугающе красивая и мудрая, и я имею честь быть ее крестной, феей или вроде того. Я очень радуюсь, увидев, что мой Эдвард с Лордом Байроном уже здесь, элегантно растянувшись

на кушетке. Мы с Эдвардом познакомились на учебном курсе много лет назад, когда я еще работала на местные власти. У джентльмена, который вел учебу, были досадные неприятности с личной гигиеной, которые можно легко было решить походом в душ и, возможно, чистой рубашкой, но вместо этого он пытался замаскировать их чем-то, что подозрительно напоминало по запаху хвойный дезинфектант, и отчаянно прижимал руки к бокам. Обучение проходило в крошечном помещении бывшей фабрики в особенно жаркий день лета. Не в силах выносить бесконечную монотонность голоса преподавателя вкупе со специфическим ароматом его тела и совершенно не вдохновленные премудростями обязательных конкурентных торгов, мы провели большую часть дня прогуливая занятия за мусорными баками с сигаретами Эдварда. Случайно сплоченные одинаково чувствительными носами и низким порогом скуки, с тех пор мы были неразлучны. Эдвард – библиотekarь в отделе антикварных книг, с особым интересом к редким и ценным историческим томам. Он – страстный коллекционер старинных детских книг, ненасытный читатель литературы начала двадцатого века и мой самый любимый мужчина во всем мире. Веселый, неглупый, остроумный, язвительный и питает глубокую страсть к канадскому певцу Майклу Бубле. Лорд Байрон – его маленький, но идеально ухоженный гладкошерстный фокс-терьер. У Лорда Байрона и кошек Епифании – полное взаимопонимание. Они совершенно друг друга игнорируют и, вероятно,

страшно брюзжат на тему друг друга на следующий день. Я присоединяюсь к ним на кушетке и выпрашиваю у Эдварда сигарету – он курит их через янтарный мундштук с серебряным наконечником, сбрасывая пепел в горшок с аспидстрой.

– Я смотрю, Софрония пришла сегодня в наряде *fille de joie*. А в вопросах макияжа она явно не сторонница философского принципа «*ars est celare artem*».

– Ой, Эдвард, хватит, не порти удовольствия. Если уж говоришь гадости, то делай это на английском, чтобы я понимала, – к нам с заговорщическим видом наклоняется Хелен.

– Откуда ты знаешь, что я говорил гадости, если не понимаешь? – с деланным возмущением отвечает Эдвард.

– Потому что ты говорил.

– Я лишь сказал, что Рони одета как жрица любви и явно чужда принципу «чем меньше, тем лучше» в вопросах макияжа.

– Или декольте. Я очень надеюсь, что меня не посадят с ней рядом. Она так надушилась, что я боюсь задохнуться.

Закончив бросать профессиональные взгляды на квартиру Епифании, Хьюго с важным видом подходит к нам.

– Итак, Эдвард, какая у вас машина?

– Вообще-то, у меня нет машины.

Сомневаюсь, что Хьюго это интересно. Он просто хочет рассказать нам про свою.

– Только получил новенький «Бумер», темно-синий каб-

риолет, резвый, как метеор.

Я пытаюсь придумать какой-нибудь вежливый ответ и ради Епифании стараюсь изо всех сил. Что касается транспорта, я куда лучше разбираюсь в велосипедах с кисточками на руле, и мне удастся выдавить лишь:

– Звучит очень *практично*.

Зря я беспокоилась. Вскоре становится ясно, что Хьюго нужна публика, а не беседа. За десять минут нам оглашается подробная опись ценного имущества Хьюго, включая детальную информацию о его полностью встроенной ультра-современной домашней развлекательной системе, квартире на Ибице и подписанном экземпляре диска Кайли Миноуг «Шоугерл: Возвращение». Еще мы узнаем, что он прекрасно катается на лыжах, может перепить практически любого, лично знаком с вокалистом группы «Оазис» Лиамом Галлахером и может бесплатно достать билеты в местный кинотеатр – там работает управляющим его двоюродный брат. Хьюго, несомненно, принадлежит к сильным мира сего.

Из кухни появляется Стэнли и объявляет, что ужин готов. Я с облегчением узнаю, что сижу не рядом с Рони, а значит, можно не бояться моментального удушья или необходимости поддерживать беседу о достоинствах и проступках разных сериальных звезд. Она сидит между своим новым мужчиной и Епифанией. Но я все же расстроена своей позицией между Хьюго, который, боюсь, проведет весь вечер в рассказах о своих идиотских достижениях, и Эдвардом, который

проведет весь вечер его подстрекая. Эта рассадка ставит меня в довольно затруднительное положение.

Много лет назад Епифания подарила мне на день рождения «Книгу этикета (полный справочник социальных норм)» известной светской львицы Леди Трубридж. И с тех пор я стала ее рьяной поклонницей. Ее книга – бесценное руководство по всем щекотливым вопросам, например: снимать ли перед обедом перчатки, когда следует или не следует делать поклон, как вести себя с прислугой и что надеть на Ривьере. Особенно большой и подробный раздел посвящен поведению за столом, в частности тому, как правильно есть определенные блюда – «не следует переворачивать птицу на тарелке или пытаться есть ее ноги» – и как обеспечить досуг всем гостям. Леди Т. советует: «Хозяйка должна постараться расположить мужчину, который любит слушать собственный голос, рядом со скучной или молчаливой женщиной». Что Хьюго наслаждается собственным голосом, сомнений уже не осталось, но ведь Епифания только с ним познакомилась, так что вряд ли меня сочли молчаливой или скучной. Но еще Леди Т. Пишет: «Гость, принимающий приглашение на ужин, должен осознавать свою ответственность перед хозяевами и взять на себя труд по развлечению своих соседей, даже если он предпочел бы другую компанию». Черт. Значит, я должна попытаться с ним поговорить.

Лорд Байрон сидит за столом с другой стороны от Эдварда, и у него есть персональная льняная салфетка, приделан-

ная серебряной клипсой к ошейнику. Перед ним стоит маленькая серебряная мисочка, и он терпеливо ждет ужина, демонстрируя прекрасное воспитание. Я беру себя в руки, подключаю всю свою любезность (а ее, надо сказать, не слишком много даже в лучшие времена) и, сделав для храбрости несколько глотков вина, поворачиваюсь к Хьюго.

– Итак, Хьюго, расскажи, почему ты решил стать агентом по недвижимости?

Знаю, не слишком оригинально, но все же лучше, чем «Итак, Хьюго, расскажи, что заставляет тебя вести себя как полный придурок?».

– Ну, если честно (ого, что-то новенькое для агента по недвижимости!), у меня талант взаимодействовать с людьми. Они доверяют мне, и я постоянно работаю над собой. Я готов на что угодно, лишь бы достичь цели. Меня признавали лучшим продавцом месяца чаще, чем кого-либо еще из нашего отделения, а чем чаще меня признают, тем больше я зарабатываю.

– Должно быть, за это очень много платят, – замечает Эдвард.

Я пинаю его ногой под столом – боком, что слегка неудобно. Сильно пинаю.

– Ради этого и стараюсь. То, что мне нравится, стоит денег, и немало. «Хорошо работать, хорошо отдыхать, твердо стоять» – таков мой девиз.

На фразе «твердо стоять» Хьюго поворачивается ко мне и

подмигивает. Эдвард щиплет меня под столом за ногу. Больно. Я делаю еще один глоток вина. Мысли о «твердо стоящем» Хьюго – это для меня уже слишком. Нужно срочно сменить тему.

– Хьюго, а что ты любишь читать? У Эдварда прекрасное собрание антикварных книг. Он библиотекарь.

Хьюго громко смеется, словно я пошутила, и отвечает:

– Книги – это не мое, по мне, так пылесборники. Если история действительно стоящая, я лучше дождусь, пока она выйдет на DVD.

Я чувствую, что Эдвард начинает терять терпение. Его тон по-прежнему вежлив, но в словах проскакивает затаенная ненависть.

– Вполне можно понять, если учесть, сколько ты заплатил за свою потрясающую развлекательную систему.

– Именно, Эдди. Признайся, должно быть, жутко скучно переставлять целый день книжки. Это вовсе не та головокружительная карьера, что нужна мужчине. Книги хорошо смотрятся в библиотеке какого-нибудь чертовски огромного дома, из тех, что я пытаюсь продать людям, которые воображают себя интеллектуалами. Но даже они на самом деле не будут эти книги читать. Просто хотят, чтобы так думали их друзья.

Хьюго только что принизил одну из главных радостей в жизни Эдварда до уровня предмета интерьера, и я борюсь с желанием вылить ему на промежность что-нибудь горячее.

Как раз вовремя, Стэнли подает суп. А Лорду Байрону приносят толстую свиную сосиску, порезанную на кусочки. Он одобрительно обнюхивает еду и приступает к трапезе. Ложка с супом Хьюго замирает в опасном положении, на полпути между тарелкой и ртом, и я сразу понимаю, что настал момент истины. Момент, когда судьба Хьюго будет решена, момент, когда он не сможет смолчать. И пробил час, и явился придурок.

– Поверить не могу, что ты позволяешь собаке есть за столом. Не слишком гигиенично, разве нет?

Хьюстон, у нас проблема. Я наблюдаю, как огромная капля супа неотвратимо падает с ложки Хьюго и приземляется на его кислотно-розовую рубашку. Это кроваво-красный борщ, и теперь кажется, что на груди у него маленькая рана. Впрочем, вечер только начался, судя по разговорам Хьюго и набору приборов на столе, у него все шансы вскоре получить и настоящую.

– Лорд Байрон всегда ужинает с нами, за столом, и не беспокойся – он полностью привит, так что вряд ли чем-то от тебя заразится.

Вид у Эдварда дружелюбный, но тон ледяной. Его терпение наконец лопнуло. В этот момент большинство людей бы поняли намек, сменили тему или просто заткнулись. Но не Хьюго. И он выбирает себе в союзники наименее подходящего человека. Он поворачивается ко мне.

– Тебе не кажется глупым, когда хозяева обращаются со

своими животными, как с людьми?

– Конечно, Хьюго, – отвечаю я. – Меня поражает, когда совершенно разумные на первый взгляд хозяева считают, будто могут обращаться со своими кошками и собаками насмешливо, будто они – люди. Ведь абсолютно ясно, что Лорд Байрон куда умнее большинства людей, и я уверена, что его манеры безупречны.

Хьюго гомерически хохочет (слово дня – *смеяться громко или не в меру*), а это не самый лучший ответ.

– Рони предупреждала меня, что у ее сестры эксцентричные друзья. А по-моему, вы все просто чокнутые.

Уверена, Леди Т. бы крайне неодобрительно отнеслась к удару кулаком одним из гостей другого, так что, если это продолжится, мне, возможно, придется сесть себе на руки.

– Уверяю тебя, у меня не было намерений тебя веселить.

Хьюго снова находит мой ответ безмерно забавным и хрюкает от смеха, словно трюфельная свинья-кокаинщица. Эдвард наблюдал за разговором с плохо скрываемой яростью из-за хамства Хьюго, но теперь в его глазах сверкнуло озорство. Он спрашивает у Хьюго почти доброжелательно:

– А почему именно ты считаешь нас «эксцентричными»?

– Ну, для начала, вы носите одежду, которую большинство нормальных людей сочтет маскарадным костюмом!

Хьюго явно считает себя остроумным и мудрым. И он еще не закончил.

– И высказываете убеждения, в которые явно не верите

сами, просто привлекаете внимание эпатажем.

Я раздумываю, сочтет ли он резкий удар по яйцам в равной мере шокирующим и развлекающим.

– Например? – Эдвард побуждает Хьюго открыть рот еще шире, чтобы поглубже запихнуть туда свою ногу. Хьюго откидывается на спинку стула и готовится изречь очередную мудрость.

– Например, вся эта история с собаками. Согласен, они довольно милые, эти избалованные песики, – он снисходительно машет рукой в сторону Лорда Байрона, – но они слишком маленькие, чтобы считаться нормальными собаками.

– А как насчет волкодава Маши? Это «нормальная» собака? – спрашивает Хелен, которая слушает разговор с возрастающим раздражением.

– Ну, это совсем другое дело! – поворачивается ко мне Хьюго с развратной улыбкой. – Размер *имеет* значение, – он поднимает пустой бокал, показывая, что ему нужно долить еще вина, и продолжает: – Но, разумеется, большинство этих избалованных собачонок лишь заменяют детей людям, которые не хотят брать на себя настоящую ответственность.

Повисает короткая, но крайне неловкая пауза, но потом Рони объясняет:

– У Хьюго есть маленькая дочка, Софи. Она живет с мамой, но приезжает к нему на каждые третьи выходные.

Я скорее чувствую, чем вижу тревожные взгляды, и все в

моем направлении. Под столом Эдвард берет и слегка сжимает мою ладонь. В этот момент я извиняюсь и выхожу из-за стола. В безопасном укрытии прекрасной уборной Епифании я пытаюсь сморгнуть подступающие слезы вины. Стены маленькой комнатки покрыты странными и чудесными картинками, вырезанными из журналов, вдохновляющими и жизнерадостными цитатами и всем остальным, что понравилось Епифании. Подоконник заполнен китчевыми безделушками, а маленькое окошко обрамлено гирляндой огоньков в форме цветов, которые отражаются в зеркале на двери. Женщина, которую я вижу в зеркале, – эгоистичная, жалеющая себя дура, немногим лучше кошмарного Хьюго. Это изысканное молчание – полностью моя вина.

Сегодня моему сыну исполнилось бы четырнадцать, и все эти годы я обрекала своих друзей. Обрекала на болезненную осторожность из страха задеть мои чувства, и понадобилась бесцеремонность Хьюго, чтобы до меня наконец дошло. Моя скорбь превратилась в одержимость, дурную привычку, как истрепанное до дыр детское одеялко, с которым я спала слишком долго. Хватит. Я снова смотрю в зеркало и пытаюсь представить, каким бы увидел мое лицо незнакомый человек. В нем есть все необходимые компоненты, чтобы казаться относительно привлекательным: зеленые глаза, полные губы хорошей формы и ровный, прямой нос. Но во взгляде нет жизни, и глубоко въевшееся поражение виднеется в каждой черте. Женщина в зеркале – не я. Она – лишь

призрака, которому я позволила занять свое место, и я больше не хочу ею быть. Я хочу стать прежней Машей, которая, дай бог, по-прежнему прячется где-то внутри меня, висит на кончиках пальцев. Возвращаясь в столовую, я сталкиваюсь с Епифанией, которая уносит суповые тарелки обратно на кухню. Она встревожена.

– Ты в порядке? – спрашивает она.

Хватит.

За столом Стэнли раскладывает ризотто с горошком и мятой. Съев немного, Хьюго начинает сморкать нос в салфетку. Леди Т. крайне резка на тему «некрасивого поведения за столом», и, уверена, она бы определила это именно так. Но Епифания явно задалась целью быть радушной хозяйкой до последней капли крови: она поворачивается к Хьюго.

– Хьюго, расскажи, какой дом тебе было продать сложнее всего?

Она старается изобразить искреннюю заинтересованность, несмотря на тот факт, что с момента появления Хьюго говорил непрерывно, восторженно и исключительно о себе. Единственными передышками от этого безжалостного хвастливого монолога были периодические обидные и дурацкие замечания, направленные в сторону одного из ее гостей.

– У меня никогда не возникало сложностей с продажей недвижимости.

Почему мы не удивлены?

– У меня особый талант. Нужно просто знать, о чем говорить покупателям и о чем умолчать.

– Но разве сейчас не существует определенного свода правил, созданного, чтобы защитить нас, простых смертных, от коварных агентов по недвижимости с их заманчивыми описаниями и ловко обрезанными и отредактированными фотографиями? – спрашивает Хелен, которая подумывает о переезде.

– Говорят, такой документ существует, но меня это не слишком волнует.

Хорошие манеры Хьюго иссякают прямо пропорционально объему вина, которое он заливает себе в глотку. Притом что вежливость изначально не была его сильной стороной. Он продолжает миссию, покоряя нас своей потрясающей, престижной работой.

– Но, я вам скажу, у меня было несколько рискованных моментов.

– Не сомневаюсь, что скажет, – шепчу я Эдварду.

Хьюго выдерживает эффектную паузу, поправляя рукава своей жуткой розовой рубашки, и я замечаю у него на запонках слова «взболтать» и «смешивать» – агент 007 бы им гордился.

– Однажды я приехал показывать дом чуть раньше, чем нужно. Ожидая потенциальных покупателей, я решил проверить ящики с нижним бельем в хозяйской спальне. Я видел продавцов, и жена была в прекрасной форме. Я предполагал

увидеть «Ля Перла», «Ажен Провокатор» и немного «Энн Саммерс» для пикантных поездок на выходные. Я неплохо разбираюсь в женском нижнем белье, особенно в том, как его снимать.

Хьюго мне подмигивает. Опять. Но на этот раз в ход идет и потная рука, которая ложится мне на бедро. В такой критической ситуации желание ударить Хьюго становится особенно сильным. Мои запасы любезности иссякают окончательно, я начинаю закипать. Эдвард задыхается от смеха, а Епифания залпом выпивает бокал. Альберт пристально всматривается в ризотто, а Рони с обожанием глядит на Хьюго, совершенно не замечая, что все остальные считают его заносчивым развратным болваном. Хьюго искренне верит, что мы все восхищены его дерзостью, и продолжает:

– В общем, я только начал, как домой неожиданно вернулась хозяйка и чуть меня не поймала.

– Какой ужас! – Стэнли откидывается на спинку стула и изумленно качает головой.

– Полностью согласен, приятель! – Хьюго не совсем понимает, что имеет в виду Стэнли. – Я успел лишь быстро посмотреть один ящик, когда она ввалилась.

Стэнли подается вперед и пристально смотрит на Хьюго тяжелым взглядом.

– Ты правда считаешь, что людям твоей профессии допустимо копаться в личных вещах клиентов?

– Я называю это рабочими преимуществами, приятель.

Рабочими преимуществами.

На мгновение наступает неловкое молчание, когда каждый из нас, кроме Рони, пытается определить, должны ли мы по-прежнему соблюдать вежливость, или черта пройдена и, несмотря на советы Леди Т., пора сбрасывать перчатки. Первым решается Стэнли.

– Ну, а я бы назвал это мерзким копанием в нижнем белье, – тихо говорит он, с отвращением покачивая головой.

Хьюго слегка сбит с толку. Ему никогда не приходило в голову, что кто-то может поставить под вопрос его абсолютное великолепие, в котором он убеждается все сильнее с каждым выпитым глотком вина.

– Приятель, не будь таким серьезным. Попробуй рискнуть, хоть раз в жизни.

Теперь Хьюго разговаривает немного медленнее, мужественно пытаясь не путать слова, из-за избытка алкоголя предложения выскальзывают у него изо рта с опасной скоростью, и все усилия напрасны.

– Я принесу десерт, – выдавливают Стэнли сквозь сжатые зубы.

Через несколько минут Хьюго становится поразительно похож на бывшего советского президента Михаила Горбачева. Допившись до бессознательного состояния, он падает лицом в черносмородиновый мусс, и когда его поднимает заботливая Рони, у него на лбу появляется изысканное пурпурное родимое пятно. Он громко храпит, пока остальные курят

и пьют кофе, и опасно раскачивается на стуле. От падения его спасает только Рони, которая следит и поддерживает его, словно куклу чревовещателя.

По словам Леди Т., любой инцидент за столом должен «по возможности игнорироваться хозяином, хозяйкой и гостями». Все мы, возможно, кроме Рони, с восторгом игнорируем Хьюго. Рони рассказывает всем о своем новом увлечении – ракс шарки, египетской разновидности танца живота, и предлагает станцевать, когда мы в следующий раз соберемся вместе.

– Не приведи господь, – шепчет Хелен. – Уж лучше у меня будет цистит.

Наконец Рони заказывает такси и пытается поднять Хьюго на ноги. Альберт галантно приходит ей на помощь и поддерживает его, пока Рони накидывает тому на плечи пальто. Пока Альберт ведет Хьюго к выходу, Рони сжимает мою руку.

– Прости. Он не хотел ничего плохого – насчет собак и детей. Просто напился.

Похоже, она всерьез расстроена, и я чувствую себя ужасно. На помощь приходит Эдвард.

– Не глупи, милая! – говорит он, утешительно обнимая ее за плечи. – Это все вино. В любом случае, мы почти не смогли разобрать, что он там говорил.

Я обнимаю ее, прежде чем она выходит на улицу вслед за Хьюго и Альбертом.

– А Альберт наконец оживился, впервые за вечер. И все

благодаря отъезду Хьюго! – говорит Эдвард нам с Елифанией, пока мы безуспешно пытаемся не хихикать, глядя, как Хьюго отчаянно висит на Альберте, который выглядит все более смущенным и раздраженным. Лорд Байрон, наблюдающий за происходящим с явным презрением, спокойно подходит к Хьюго и мочится ему на ногу. Кроме меня этого никто не замечает, и, я думаю, в данном случае леди Т. оправдала бы мое поведение – береженого бог бережет. Я предпочитаю смолчать.

После неловкого отъезда Хьюго и Рони мы все поздравляем Елифанию с ее необыкновенной любезностью перед лицом крайней провокации и благодарим Елифанию и Стэнли за гостеприимство. Еще одно такси приезжает – за Хелен и Альбертом, и посреди сердечных прощальных объятий и поцелуев Альберт, из которого обычно не вытянуть ни слова, подмигивает мне и бормочет:

– Ох уж этот Хьюго! Полный придурок.

Эдвард и Лорд Байрон провожают меня домой. На улице ясно, холодно и спокойно, и наши шаги эхом разлетаются по улице, пока мы идем, держась за руки, под широким звездным небом.

– Ты в порядке? – спрашивает Эдвард, когда мы подходим к моему дому.

– Конечно.

Я целую его в обе щеки и Лорда Байрона – в лоб. Эдвард крепко обнимает меня и пристально смотрит в глаза, словно

что-то ищет. В какой-то момент я чувствую: он хочет сказать что-то еще. Невысказанные слова замирают между нами, словно выдох в ночном воздухе, и улетают прочь. Видимо, я их спугнула. Эдвард ждет, пока я открою дверь, и отправляется домой.

– Кстати, – кричу я ему вслед, – твой пес описал ногу Хьюго.

На улице еще долго слышен его хохот.

Сегодня температура воды в бассейне – 8,5 градуса, небо цвета цемента, идет сильный дождь. И сегодня я хочу наказать себя болью. Потому что завтра – канун Рождества, а значит, все должны быть счастливы. Все должны надеть колючие свитера со снеговиками, пингвинами или оленями. Должны объесться блюд из птицы, пирогов и пудингов – не меньше, чем на собственный вес. Мы должны взрывать хлопушки, смотреть «Доктора Кто» и делать вид, что нам нравятся мягкие ароматизированные вешалки для одежды, переданные жадным коллегой в «Секретном Санте». А еще мы должны пить коктейль «Снежок». Это закон. И я буду, обещаю. Я попытаюсь быть счастливой и не замечать чувства вины, стоящего у меня за плечами, как обычно. Но в качестве искупления за завтра сегодня я должна утонуть. Почти.

В бассейне всего два человека, и никаких признаков австралийки, но если она появится, на этот раз я готова. Легкие сжимаются и болят, пока глубокая холодная вода успокаивает разум, но я осторожна и остаюсь под водой не слишком долго. Несколько лет назад я получила жестокий урок. Отсчитав на дайверских часах минуту и пятьдесят пять секунд, я всплываю обратно на поверхность и плыву к мелкой части бассейна. Дождь жалит покрытую мурашками кожу, пока я спешу обратно в раздевалку. Высушившись и переодевшись,

я выхожу, сжимая в руках книгу. Книгу, взятую на случай, если я встречу австралийку. Как понимаете, у меня страсть. И как любой человек со страстью, я готова на любую хитрость. Я заметаю следы. Книга называется «Техники работы с голосом».

На пустой парковке Эдит Пиаф заводится с первого раза, и я ее сердечно хвалю. По радио детский школьный хор поет песню про оленя Рудольфа. Я переключаю на другой канал. Мой мальчик так и не пошел в школу. У него было всего два Рождества. Во время первого он был крошечным малышом, а во время второго едва понимал, что происходит. Тогда мы с Эдвардом и подарили ему лошадку-качалку. Он был слишком маленьким, чтобы кататься на ней самостоятельно, но, когда мы держали его в седле, он дрыгал ножками и визжал от удовольствия. Он не понимал, что такое Рождество, но был очень доволен подарком. Я переключаю Эдит на первую передачу, потом на вторую и уезжаю с парковки. Дождь наконец прекратился, и бледное зимнее солнце слабо сияет за перламутровыми облаками. Нужно торопиться. Через полчаса нам с Хайзумом надо быть у ветеринара, ему должны подстричь ногти. Когда я купила Эдит Пиаф, то убрала заднее сиденье, чтобы возить Хайзума. Он очень любит свое специальное транспортное средство. Уверена, что он мнит машину своей, а меня считает просто шофером.

Терпение за рулем не относится к моим добродетелям, и женщина в машине впереди меня уже раздражает. Она – тор-

моз, едет меньше пятидесяти километров в час. Эдит шумит на третьей скорости. Женщина должна прекратить болтовню с пассажиром и сосредоточиться на дороге. Светофор впереди зеленый, но переключится раньше, чем мы успеем до него доехать. Мои костяшки на руле белеют, и я едва сдерживаюсь, чтобы не нажать на гудок, но мне удастся сдержаться. Зато я кричу. Она ведь все равно не слышит. А мне от этого легче. Как и ожидалось, светофор переключается на красный, мы останавливаемся прямо перед ним, и я заканчиваю свою обличительную тираду сочным тройным эпитетом. Мужчина в соседней машине заинтригован. Надеюсь, он не умеет читать по губам. Возможно, мне снова следует сделать вид, что я пою. Уверена, что женщина в машине передо мной включила нейтральную передачу и подняла ручник, но я также не сомневаюсь, что она ни разу в жизни не разворачивалась в дрифте. А это было одной из первых вещей, которые я попыталась сделать, когда я сдала экзамен и папа доверил мне свой «Мини». Он не замечал царапины от столкновения со столбом целых два дня. У машины передо мной небольшая вмятина в заднем крыле. Наверное, кто-то врезался в нее, пока женщина раздумывала.

Мы приезжаем в ветеринарку на несколько минут раньше назначенного времени и проводим еще полчаса в очереди, пока два дежурных врача разбираются с записью, переполненной перед праздниками, – владельцы опасаются баснословных счетов за вызов в выходной день. Хайзум предпочел

бы здесь не присутствовать. Он выражает свои чувства воем и попытками забраться мне на колени. Подобное поведение в исполнении 80-килограммового волкодава может смутить. Женщина, которая сидела рядом со мной с бойкой миниатюрной таксой на руках, пересела в другой конец помещения, неодобрительно цокая языком. После короткого молчания *чья-то* собака пускает газы. Сперва это почти незаметно – эфемерное пикантное дуновение, едва щекочущее ноздри. Но вскоре ситуация заметно ухудшается. Ощущается явный привкус брюссельской капусты. Очень праздничный. Разумеется, никто не говорит ни слова, но я подозреваю таксу, на чью хозяйку внезапно нападает чихота (слово дня – *непроизвольное чихание*). Подозреваю, что это отвлекающий маневр, который лишь подтверждает виновность таксы. Мы с Хайзумом проводим на приеме чуть дольше пяти минут, и за безболезненную процедуру я, как обычно, вознаграждаю его пригоршней печенья. Уходя, он с залихватским и гордым видом дефилирует мимо взволнованных пациентов, ожидающих приема, и наконец вырывается на парковку.

Дома он устраивается у огня, чтобы прийти в себя после сурового испытания, пока я украшаю маленькую елку, импульсивно купленную вчера – живую, потому что мне нравится запах и потому что это доказательство того, что я хочу изменить свою жизнь. Правда, пока не знаю, как именно. У меня нет плана, только ощущение. Ощущение, что того, как я живу сейчас, – недостаточно. Больше нет. И изменить это

могу только я.

Это первая елка, купленная с тех пор, как погиб мой маленький мальчик. Первое Рождество без него мама и папа хотели провести со мной, но я отказалась. Сказала им, что я в порядке. Просто хочу побыть одна. Праздники были для меня как сверло дантиста на воспаленном зубе. А Рождество – хуже всего. Потому что Рождество посвящено детям – адвент-календари, рождественские гимны, походы к Санте, вертепы. Младенец Иисус – от него никуда не деться. И потому в то первое 25 декабря, охваченная жалостью к себе и гневом на безжалостное праздничное веселье, я убила Рождество. Зажгла камин в гостиной и одно за другим отправила в огонь все рождественские украшения, что были в доме. Бросила туда все рождественские открытки, все полученные подарки – даже не распечатав. Я пилилась в огненный ад, наблюдала, как сворачивается и крошится бумага, тает пластик, разлагается фольга и взрывается на осколки стекло. И я пила водку. Много водки. Пришел Эдвард и обнаружил, что я выпила уже полбутылки и собираюсь отправить в огонь большую пуансеттию, подаренную соседом из лучших побуждений. Эдвард никому ничего не рассказал. Но предупредил, что если еще хоть раз застанет меня в таком виде, то расскажет всем не только что я напилась и поджигала вещи, но и что я обмочила штаны и меня вырвало на ковер. Я в этом сомневаюсь, но сказать наверняка не могу, так что пришлось поверить Эдварду на слово и переключиться

на уличные костры.

Когда я была маленькой, елку всегда отдавали в мое распоряжение. Папа накручивал на ветви гирлянду, вешал на верхушку ангела и передавал дерево мне. Я – единственный ребенок двух единственных детей. Когда я появилась, родители были в восторге, я бы даже сказала, в чрезмерном. Не сказать, чтобы я была избалованной, но меня растили, так сказать, на очень длинном поводке. Энергичный ребенок, полный странных идей и ярких мечтаний, я в одиночку разыгрывала спектакли и пантомимы перед родителями, куклами и плюшевыми медведями, а мои воображаемые друзья превосходили числом реальных. Подозреваю, что мои прекрасные, чувствительные, консервативные родители были изумлены сумасбродной и эксцентричной дочерью, созданной комбинацией их генов. Когда я заканчивала наряжать елку, она обычно выглядела словно взрыв на фабрике мишуры, а однажды я украсила ее прищепками для белья. Но надо отдать папе и маме должное – они никогда ничего не переделывали. Не дожидались, пока я свернусь калачиком и засну, чтобы придать елке более традиционный рождественский вид.

В этом году я собираюсь украсить елку для Габриеля, чтобы немного заполнить зияющую пустоту, скрыться от воспоминаний, которых у нас так и не появилось, о рождественских вечерах, которых у нас так и не было. И с надеждой, что, может быть, однажды меня еще ждет по-настоящему счаст-

ливое Рождество.

Элис

Элис была очень осторожным водителем. Особенно если в машине находился Мэтти. А сегодня она не знала дороги и оттого была еще осторожнее, чем обычно.

– Давай, мам! Я же опоздаю.

Мэтти на пассажирском сиденье наклонился вперед, словно его поза могла ускорить движение. Они ехали на футбольный матч в школу на другом конце города, и Мэтти был в команде. До начала оставалось сорок пять минут, но Мэтти нужно было приехать заранее, хотя бы за полчаса. Элис смотрела на дорожные знаки сквозь грязное стекло, пытаясь сосредоточиться. Хорошо хоть дождь прекратился. Остановившись перед светофором, Элис попросила Мэтти снова зачитать, как ехать. Наконец! Она увидела впереди название одной из нужных улиц. Мэтти нетерпеливо топал ногами. Ему не терпелось начать водить самому, но он бы не хотел, чтобы его учила мама. Она ездила слишком медленно, слишком осторожно. Наверное, она заставит его нарезать круги по парковке первые полгода.

Они подъехали к школе на последних минутах, и Элис ед-

ва успела припарковаться, когда Мэтти выскочил из машины и побежал, закинув сумку за плечо. Элис осталась в машине. Не было никакого смысла выходить на улицу и ждать на холоде. К тому же она может наткнуться на кого-нибудь из других родителей, и придется вести светскую беседу. Элис предпочитала быть в одиночестве. Она включила радио. Детский хор пел рождественские гимны. У Мэтти был прекрасный голос, но в прошлом году его исключили из школьного хора, когда мальчишеское сопрано начало ломаться из-за наступления пубертата. В любом случае, он быстро рос, и попинать мяч или погонять на велосипедах с друзьями стало ему куда интереснее, чем репетировать тройные гармонии перед местным музыкальным фестивалем. Элис снова завела машину и включила печку. Становилось действительно холодно. Пока она пыталась найти в сумке перчатки, ей на глаза попался коричневый конверт, который она кинула туда, не открывая, когда он пришел с утренней почтой. Желудок сжался, как на качелях, когда один из детей опускается вниз. Она боялась, что старая жизнь наконец настигла ее. Пришло время расплаты за содеянное. Но Элис не хотела портить Рождество. Она откроет конверт после Нового Года. К тому же, может быть, там вообще ничего нет. Все будет нормально.

Снова пошел дождь – не сильный, но достаточный, чтобы промочить насквозь. Он стучал по крыше машины и рисовал водянистые закорючки на лобовом стекле. Элис по-

смотрела на часы и вздохнула. Двадцать минут до матча, а потом еще девяносто минут придется стоять на краю поля и мерзнуть, болея за Мэтти. Элис предпочла бы посетить в Рождество спектакль или концерт с его участием. В отличие от Элис, Мэтти был прирожденным артистом и любил находиться в центре внимания. Трактирщик в его исполнении имел огромный успех, когда он экспромтом заявил Иосифу: «Вы не знаете, что сегодня Рождество? У нас это самое занятое время года!» Элис натянула перчатки и застегнула горло парки.

Ну и ладно. Она утешала себя мыслью, что сегодня вечером, после чая, они будут наряжать елку. Искусственную, но выглядит она ничуть не хуже настоящей, зато без дурацких иголок по всему ковру и неудобств с утилизацией после праздников. Они всегда украшали елку вместе, и Элис любила делить эту Рождественскую традицию с сыном. Когда Мэтти был маленьким, Элис ждала, пока он отправится в кроватку, и перевешивала украшения в более равномерном порядке. Он вешал их лишь туда, куда мог дотянуться, но теперь вырос выше Элис и сам надевал на верхушку звезду.

Матч закончился со счетом ноль – ноль. Мэтти забил единственный гол, но его не засчитал судья, который преподавал в школе принимающей команды. Мэтти по-прежнему сердился на ужасную, по его мнению, несправедливость, когда забросил на заднее сиденье спортивную сумку и хлопнул дверью машины. Элис не знала, справедливым ли было ре-

шение судьи, но была абсолютно уверена, что желтая карточка, которую он показал ее сыну после длительного и агрессивного протеста, была назначена совершенно справедливо. Она заметила, что некоторые родители тайком на нее поглядывали, и почувствовала, как краснеют щеки. Мужчина, стоявший рядом с ней, отец одного из мальчиков, игравших в команде с Мэтти, обескураженно покачал головой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.